

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА

ОБРАЗ
ДНЕВНИКЪИ

Орёл, 2023

ББК 84(2р)6
Г 62

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Орловской области*

Г 62 Голубева С.С. Образ дивный. Поэмы,
стихотворения. – Орёл: АО «Типография
«Труд», 2023. – 132 с.

Становление народа – чрезвычайно сложный процесс. История России богата неординарными личностями, благодаря которым она сложна и величественна, в ней есть место и ратному подвигу, и многотрудной созидательной работе. Только владея историческими знаниями, анализируя и используя их, народ осознаёт себя, строит своё настоящее и способен избрать себе достойное будущее. Книга посвящена ярким историческим личностям, событиям, размышлениям автора о своём месте в истории родного края.

ББК 84(2р)6

ISBN 978-5-89436-264-9

- © С. Голубева, 2023
- © В. Дворцов, послесловие, 2023
- © Д. Косенков, иллюстрации, 2023
- © БУКОО «Орловский Дом литераторов», 2023

От автора

Жизнь проста в том смысле, что непреходящие ценности никуда не деваются и не изменяются со временем, они прозрачны и ясны, как божий день. Вместе с тем, жизнь сложна, потому что пути обывательских достижений облегчаются, и усложняются пути, ведущие к пониманию и принятию высоких истин.

Время в двадцать первом веке с реактивной скоростью несётся к новым свершениям, открытиям, технологиям. Волей-неволей мы включены в этот ритм, спешим, наскоро обрастаем электронными ресурсами и почти поверили в то, что никто до нас не жил вольно, размашисто-смело, поскольку не умел решать проблемы одним кликом компьютерной мыши. Щёлк – и тысячи тонн грузов отправлены на иной континент, щёлк – и в глобальной сети красуется захватывающая книга-роман, Бог знает, о какой жизни, с какими сюжетными поворотами.

Оглядываемся на прошлое подчас с усмешкой сожаления и удивлением, пытаюсь представить, как при отсутствии сотой доли сегодняшних возможностей наши предки могли оставаться людьми, обладать величием сострадательной

души, уметь созидательно, утончённо-прихотливо мыслить и трудиться не ради сиюминутной выгоды, а на перспективу, во имя будущего.

Говорим о прошлом, как о тёмном времени. Его заслуги кажутся ничтожными, и мы считаем себя вправе иметь о нём свой суд. Сегодня в информационных полях можно найти всяческие градации политических лидеров, писателей, общественных деятелей прошлого на лица первого эшелона, второго... Иных забываем.

Но откуда же мы такие: умные, талантливые, изобретательные, свободные? Разве не из прошлого? Разве оно не благоволило нам, дав шанс сохраниться в истории развития человечества и оставив огромное культурное наследие для того, чтобы наши души, души наших потомков были сильны перед любыми испытаниями, самое важное из которых – время? Не тьмой веков надо бы называть предшествующие времена. Там свет был, и те, кто его излучал...

Не дать кануть в Лету прошлому, возвысить его в меру способностей, оживить, приблизить к читателю, моему современнику, – так мне виделась главная цель работы, когда я писала поэмы, вошедшие в книгу «Образ дивный». Но это не единственный посыл. Существовали другие, более прикладные задачи, которые решала, по моему убеждению, именно поэма, а не пове-

сти с рассказами. Прежде всего, это относилось к поэме «Ольга», написанной в 2013 или 2014 году. «Ольга» – первый опыт разговора автора с собой, с читателями на важные темы взаимоотношений нас и бессмертия, потому без неё книга не была бы полной. Поэма публиковалась в нескольких литературных изданиях страны, нашла своего читателя, единомышленников, словом, прошла некоторый жизненный путь. Решила ли она все мои задачи? Да и нет. Если бы только «да», не появились бы на свет «Александр Невский» и «Игуменья».

Не «Ольга» по праву старшинства открывает книгу исторической поэзии, а поэма «Александр Невский», которая в какой-то степени является производной от «Ольги», более, может быть, красочной, объёмной, и, несомненно, более важной. В «Ольге» сквозь знакомые нам вехи жизни великой княгини ненавязчиво проходит нить духовного преображения язычницы в глубоко верующего человека, которая от страшных деяний приходит к созидательному служению своему народу, хотя главного так и не успевает свершить. Поэма же «Игуменья» обращена скорее к душе, нежели к истории, впрочем, каждая поэма – обращение к душе.

Литературные произведения проходят жизненный путь вместе со своим создателем.

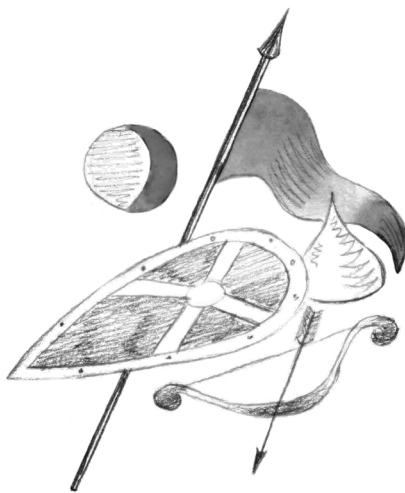
Правда, с возрастом автор меняется, а его произведения остаются с тем, что получили от него при своем рождении. От всей души желаю, чтобы сборник поэм открыл читателю не только исторические факты или некоторую эстетику стихотворного изложения, но и ещё что-то, что пополнило бы личный опыт. Пусть каждый человек, взявший в руки книгу, сделает свои открытия, какие бы они ни были.

С уважением,

Светлана Голубева

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Историческая мозаика

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
Историческая мозаика

Пролог. Родина

Леса, болота и опять леса...
Как через волок, через небеса
Ветра к востоку чалами¹ веков
Неспешно тянут груды облаков,
Озёрных чаш под ними череда
И северные наши города –
Сплетения времён, эпох, миров
Под стражей древних боевых костров²,
В тысячелетней каменной броне,
Церквей массивных строгой белизне.
Они в такой гармонии с природой,
Как будто зодчим наравне с народом
Был сам Господь, сотворчеством объятый,
Всё здесь подчинено Ему и свято,
Всё в образ дивный объединено,
Всё именем одним наречено –
О, Родина! Любимые черты
Твоей скупой могучей красоты

¹ канаты для швартовки судов.

² боевые башни средневековых военных укреплений Пскова.

В мечтах, воспоминаниях, во сне
Как весть, как дар, как зов являлись мне.
Во всё слышна мне родины душа:
В озёрного шуршанье камыша,
В гудении литых колоколов,
В напевности былинных русских слов.
Себя являет Родина моя
За каждым ёмким словом жития,
И оживает старина сама
Под знаками старинного письма.
Всему, что так люблю и чем жива,
Найду ль и я бессмертные слова?..

Ярослав³ – Александру

Двенадцать лет сравнялось Александру.
Он – старший сын⁴, отцова смена, князь
Земли благообильной Новгородской,
Такой же своенравной, как отец –
Князь Ярослав, что правил тут сурово,
Но крепче, прозорливей, чем иной,
И видеть Русь желал объединённой
Под спудом верной княжеской руки.
Он, Александра нарекая в князи,
Ему свои резоны поверял.

³ Ярослав Всеволодович, отец А. Невского, великий князь Владимирский с 1238 по 1246г. Великий князь – главный из всех русских удельных князей.

⁴ Старший брат Александра, Феодор Ярославич (1219–1233), умер, когда Александру исполнилось 12 лет.

Среди князей удельных ладу нет,
А у ворот – коварные латины⁵.
Они, вестимо, тоже христиане,
Но вовсе нам не братья во Христе.
С их притязаньем нашу разобщённость
Сложи, а там нетрудно предсказать:
Ждёт рабство Русь. Но лучше, чтобы смерть
Мечом, копьём, огнём народ повергла;
Она не так стыдна, как гибель духа,
Когда народ и жив, а чем назвать
Его без веры и без молви? Стадом?..
Страшней меча предательство себя.
Да, движется ещё с востока сила –
Монголы⁶. Русь от них уж приняла
Лихое поражение на Калке.
Сшибёмся скоро ль внове – кабы знать,
Однако на стороже быть не худо.
 Всё выслушал в молчанье Александр.

Что у него творилось на душе,
Он не умел вполне ещё осмыслить,
Тем более кому-нибудь поведать.
Отец – тот первый этого не ждал,

⁵ *Латины* – не название какой-то отдельной европейской народности. Это общее название всех народов, исповедующих западно-европейской христианство.

⁶ Группа родственных народов, проживающих на территории Центральной Азии. В 13 веке монголы, с которыми столкнулись русичи, не представляли собой единой этнической группы. На Руси их чаще звали татарами. Это название закрепилась в летописях и сказаниях.

Радел и много думал о грядущем,
Ведь надобно не только сыну выжить,
Но возмужать и вырастить детей
В обильном, вольном, грозном государстве.
На то один у Ярослава путь:
Учить отважным сына быть и дельным
Хозяином и воем, проникать
Суть человечью недруга и друга,
Но дум своих ничем не выдавать.
С тем Александра взял отец поход
(Чему война не выучит мужчину?)
К тому ж, пора ливонцев наказать⁷.
Бой меченосцам дали при Омовже⁸.
Князь Ярослав, в решающий момент
К реке с дружиной мнимо отступая,
На лёд громоздких рыцарей сманил.
С коней ливонцы грянулись вразброд
И ползали, как чада-первогодки,
Свои доспехи прочные кляня.
Князь-отрок наблюдал с восторгом за
Рождением победы новгородцев
В искусном предводительстве отца.
Утихли крики, ржанье, звон и стон.
Пот отирая, рукавом, как пахарь,
Взглянул на сына Ярослав устало,

⁷ Орден меченосцев на территории Ливонии, постоянно вторгался в русские земли. Был окончательно разгромлен Ярославом, отцом Александра, на реке Омовже в 1234 году.

⁸ Эмайыги (Эмба, Мать-река) – река на территории современной Эстонской республики, впадающая в Псковско-Чудское озеро.

Без гордости, без тени торжества,
Как будто сыну он хотел сказать:
За этим боем будет много дела
И далеко не только брань, но в ней
С открытыми врагами даже проще,
Чем с теми, кто друзьями нарядился,
И с теми, для кого рядишься сам,
И с теми, кто тебе ближайший родич,
И сам себе ты можешь быть врагом...
Едва ль не крепче рук быть должен разум,
А в сердце – неизбывный Божий дух.

С Омовжи Ярослав умчался в Киев,
Чтоб на священном утвердась столе⁹,
Не дать в разор своим великий город
И русский юг сплотить вокруг себя,
А Новгород оставил Александру,
Да Юрий¹⁰ во Владимире сидел, –
Так чаялось Руси объединенье,
Одной семьёй собрав бразды правленья...

⁹ княжеский престол.

¹⁰ Юрий – старший брат Ярослава, дядя Александра, в описываемое время – великий князь Владимирский (1188-1238).

ЧАСТЬ 1

Монголы

Шаманка, ворожея дева-степь
И ветер, вечный всадник бесшабашный,
Как быстро в битвах возмужал, окреп
Плод вашей страсти, грозный и бесстрашный, –
Монголы. Мчась лавиной из дали,
Их тумены¹¹ до жути походили
На вздыбленное месиво из пыли
И вскинутой копытами земли.
Во весь опор катился этот вал,
Не ведая препятствий и сомненья,
Он вздрагивать округу заставлял,
Лишая напрочь сил к сопротивленью.
Их стрелами повержены аланы,
И половцы познали их арканы,
Испробовали русские, остра ль
Монгольская стремительная сталь,
Булгары с году на год ждут войны, –
С востока вести грозные слышны.

О Калкинской кровавой лютой рати
Сыны слыхали от отцов и братьев,
И Александр знал были той поры:
Монгольские разведчики хитры,

¹¹ Крупная тактическая единица монгольского войска 13-14 веков численностью десять тысяч всадников.

Коварны полководцы их и знать,
Но мастерства в бою не занимать.
Дружинники, ходившие на Калку,
Описывали степняков атаку:
Вал лучников на русских налетел,
Накрыв дождём калёных метких стрел,
Затем ряды стрелков пришли в смятенье,
Тут русские рванулись в наступленье,
Не чуя, что наводят их стрелки
На главные монгольские полки!
Вот тут-то избиенье началось!
Князья, как и дрались, бежали врозь,
Нойоны¹² вовсе не вступали в сечу,
Войсками управляя издалече,
Но и над ними был всего один –
Единовластный битвы господин,
И лишь его служил приказом глас.
Того порядка не было у нас...

.....

Блуждая по истории страницам,
Взываю я ко всем причастным лицам:
Князья какие видели победы,
Послам монгольским головы рубя¹³,

¹² Военачальник, князь, предводитель древнего монгольского аристократического рода, феодал.

¹³ В мае 1223 года монгольские послы предложили русским князьям мир и военное взаимодействие против половцев. Русские, выслушав послов, убили их, что спровоцировало стремительную и жестокую битву (при Калке), закончившуюся полной победой монголов.

В междоусобьях истощив себя,
Поразорив мечом сосед соседа?
Ах, Калка, скудомыслию цена,
На то ли нам она была нужна,
Чтоб русичей на злой речнице этой
Мозжил монгол разнузданной победой¹⁴?
Ответа нет, а летопись лукавит.
Таков уж век, где князь-мальчишка правит.
Исходит год, другой, от степняка
Не возопила Русь ещё пока.

Но скоро омрачились времена!
И были нележки, а стали хуже:
Монгольские взметнулись знамена
По горизонту в адском полукружье
И двигались беззвучно, не спеша,
Дугой пространство медленно сжимая.
Дремала на рассвете, чуть дыша,
Земля, что им казалась неживая.
И вот уже истоптана конями,
Озарена осадными огнями,
Булгарская повержена страна,
Разрушена Рязань и сожжена,
Торжок, Владимир, Суздаль. Крик и стон
По всей Руси слышны, со всех сторон,

¹⁴ После победы на Калке монголы связали русских пленных князей и особо отличившихся русских воинов. Уложив их на земле, устроили сверху деревянный помост, на котором пировали до тех пор, пока лежавшие под ними пленные не задохнулись насмерть.

И Юрий, брат любимый Ярослава,
Погиб на Сити без борьбы и славы¹⁵...

Лесами, через реки и болота
С низов¹⁶ под Новгородские ворота,
Не то что скарб, а душу чуть влача,
Избегшие монгольского меча
Сходились, с городскими толковали:
«Татаровой заждёмся мы едва ли».
Учтя и донесенья, и резоны,
Все силы положить для обороны
Князь Александр велел народу строго.
Иное было всё ж угодно Богу.

Умывшись русской кровью, степняки
На запад увели свои полки,
Огнём и саблей расчищая путь,
И Русь могла ненадолго вздохнуть,
В ней, обезлюдившей и разорённой,
Жизнь утверждала вновь свои законы.
В ту пору Новгородский юный князь
Венчался в Торопце, благословясь.
О сватовстве немного известно:
Из Полоцка была его невеста,

¹⁵ Поход монголов на Русь в 1238-40 гг. Тот, в котором погиб князь Юрий в битве на Сити 4.03.1238г. Полки Юрия и монгольские вышли друг на друга едва ли не случайно.

¹⁶ *Низы* – низовская Русь – русские княжества, располагавшиеся южнее Пскова и Новгорода (Новгородской земли) – та территория, которую мы сегодня назвали бы Центральной Россией.

Приветлива, статна, несвоенравна
Дочь князя, Александра Брючиславна.

Сыграли свадьбу Александры-Саши,
Две учинили свадебные каши¹⁷,
И жизнь своим помчалась чередом,
Молодожёнов долгом и трудом
По-своему снабдившая сполна:
Хлопочет в доме юная жена,
Князь-муж усердно занят обороной
Окраины почти не защищённой
(Чтоб к Новгороду укрепить подходы,
Возводит крепостицы¹⁸ он с народом).

Невская битва

Созрел под сенью пасмурных небес
К Руси и у Европы интерес.

С законом Божьим или без закона
На западе могущество Тевтона¹⁹

¹⁷ *Свадебные каши* – свадебные пиры, устроенные молодожёнами в Торопце и Новгороде.

¹⁸ Порхов.

¹⁹ *Тевтонский орден* – в 13в. самый могущественный из военно-религиозных образований Европы. После поражения при Омовже остатки Ордена меченосцев влились в Тевтон на правах Ливонского ландсмейстерства. Таким образом, сформировавшийся на территории современной Прибалтики и со временем укрепивший Ливонский орден следует считать частью Тевтонского, хотя есть мнение, что именно Ливонский орден был самостоятельным и наиболее могущественным в Европе.

Росло как в сказке, чуть не по часам:
Уже хозяин Прусским он лесам,
Уже ливонцы родину свою
В прислужницы Тевтону отдают,
Теперь в союзе с датским королём
Он к землям эстов, финнов устремлён,
К Изборску, Пскову, Новгороду следом, –
Затея эта нравилась и шведам...

Глубокой ночью Александру весть
С Невы привёз Пелгусий-ижорянин:
В том месте, где слита с Невой Ижора,
Норвеги, шведы, финны, сумь да емь,
Зачалив шнеки²⁰, лагерь разбивают.
Посланье ярла²¹ коротко гласило:
«Я здесь уже, пленю твою страну,
Сумеешь, так останови меня».
Вскипело Ярославичево сердце:
Не видел викинг Биргер в юном князе
Соперника достойного себе.
Не тратя часа даром, пылкий князь
Людей с посада, верную дружину
Велел к Святой Софии²² собирать.

²⁰ *Шнек* (шнека) – средневековое вёсельное судно у североевропейских народов. Ладья и насад у русичей – примерно то же.

²¹ Военачальник у североевропейских народов, в данном случае – Биргер.

²² *Собор Святой Софии* – главный православный храм Великого Новгорода, созданный в 1045–1050 годах, кафедральный собор Новгородской митрополии.

Благословил Владыка Спиридон
На битву воев, осенив знаменьем.
– Так поспешим, – воскликнул Александр. –
Господь не в силе, братие, а в правде!
Князь, подняв руку, встал на стременах,
И в стремя дружинники ступили...

Земли не чуя, конница летит,
Как будто птиц диковинная стая,
Внезапно грянуть на врага, пока
Он, русичей к себе не ожидая,
Ещё в тиши у дремлющей реки
Оружие ль, доспехи починает.
Вперёд, вперёд! Вдогонку не успел
Ни Ярослава полк, ни новгородский.
В тумане, в поредевшей полумгле
Несётся невеликая дружина.
Звезда надежды всадников ведёт
Или иная светлая картина?

Иная, точно! В пышных облаках,
Зарёй едва очерченных поверху,
Плыло навстречу конникам виденье:
Насад с гребцами, две фигуры в нём
Стояли рядом, в свет облачены.
«Поможем, Глеб, мы князю Александру,
Вели грести», – сказал святой Борис
(Из двух фигур он выше был по росту)²³.

²³ Согласно житиям, это видение явилось самому Пелгусию, а тот пересказал князю Александру.

Один тому свидетель Александр
Или видала вся дружина это,
Неведомо теперь уж никому.
Но впечатлѣн видением, стремглав,
Мгновенно просчитав, что междуречье
Пришельцам помешает отступить,
Построиться и ловко развернуться,
Князь внёсся в лагерь шведский без опаски,
В лик ярла поразил копьём и с маху
Врагов с десятков рядом положил, –
То Биргеру ответ был на призыв
И против спеси славная наука.
Смятенье шведы быстро одолели,
Мечи схватили и вступили в бой...

Господь! Веди мою слепую мысль
К хвалебному, признательному слову,
Которое споётся в похвалу
Молодым людям²⁴ князя Александра.

Один, Олексич, именем Гаврило,
Загнал по сходням шведов в узкий шнек
И в качкой тесноте рубился с ними,
Был в реку опрокинут, воротился,
Мечом на обе стороны разя.
Сбыслав да Яков, да слуга Ратмир,

²⁴ В данном случае, дружина князя. В литературе встречается это название и по отношению к простым горожанам (младшие, меньшие).

Толпою шведов вплоть окружены,
Врага крушили с яростной отвагой.
Ратмир погиб, мечами иссечён.
Проворный парень Миша-новгородец
Три корабля пришельцев потопил.
Вдруг с треском, среди воинства, осев,
Шатёр золотоверхий, ярлов, рухнул,
Раскинув полог, словно лебедь крылья –
Опору отрок Саввушка подсёк
И тем придал задору новгородцам:
Единой мощью русская дружина
Стеснила шведов радостно к реке.
Сдались пришельцы. Вековечно Невским
Отныне будет зваться Александр.
Хранит не много летопись имён,
Но есть за каждым витязь безымянный
И не один, кто подвигом своим,
Отвагою прославил эту сечу.

Большие²⁵ люди спорят

Недолго песнь победная поётся,
Да и не все ей рады новгородцы.
Боясь последствий княжеской победы,
Ведут бояре тайные беседы:
«Мы ныне власть ещё. Что будет завтра?
Полгорода стоит за Александра,

²⁵ Бояре, они же вящие или лутшие люди.

Стяжает власть всё боле наш герой,
Кончане²⁶, слышно, за него горой.
Глядишь, положит между ратных дел
Князь новгородской вольности предел,
А нас, бояр, оставит для того,
Чтоб только молча слушали его.
Да крут к тому же, норов в нём отцов,
Немецких он не жалует купцов.
Торговля, коли так, обречена,
А с ней и новгородская казна.
Не надобно нам Невского героя».

Но слышалось и мнение иное:
«Побойтесь Бога, не гневите даром!
Неужто Биргер шёл к нам за товаром?
Понять тут и глупцу не мудрено,
Что шведы и тевтонцы заодно.
И булла²⁷ папой выдана едва ли
Затем, чтоб немцы с нами торговали.
Цель ордена понятна и проста:
Покончить с Русью именем Христа!
Не дай Господь, Тевтон нагрянет сходу –
Какую нам он принесёт свободу?»

²⁶ Жители ремесленных городских районов, называемых концами, (в центральной Руси – слобод, слободчане) средневекового Пскова и Новгорода.

²⁷ В 1238 году папа Григорий IX объявил крестовый поход против восточных соседей (в т.ч. Руси) с целью насильственного обращения в католичество или истребления, издав документ – буллу, в результате которой возник союз датчан, тевтонцев и шведов, которые и предприняли попытку захвата Новгородской земли в 1240 (Невская битва).

Забыли вы (а время то далёко ль?),
Как крестоносцы жгли Константинополь²⁸?
Не богатели ль их отцы святые
На гибели великой Византии?»

Шли споры, толки, сыпались упрёки
Порой несправедливы и жестоки.
Тех, кто не жаждал князя усиления
И в том бояр увидел притеснение,
Среди больших людей нашлось немало.
В столе боярство князю отказало,
И Александр с беременной женой²⁹
В Переяславль отправился родной,
Питая в сердце горечь и презрение
Не за неценённое радение –
За то, что так бесстыдна и ясна
Новгородской вольности цена –
Не ратная победа, а лишь та,
С которой не пустеет калита³⁰.

Но разве только Новгород таков?
По северу, средь русских городов,
Сторонников повсюду находила
Латинянам сочувственная сила.
В среде бояр, посадников, купцов,

²⁸ В 1204 году.

²⁹ Год рождения первенца Александра Невского Василия неизвестен, возможно, это 1240 год.

³⁰ поясной кошель, сумка для денег.

Зажиточных кончанских молодцов
Едва не столь же, сколь небесных кар,
Остерегались варваров-татар,
И посильней, чем немцев. Даже боле –
Готовились платить деньгой и волей,
Когда б за них тевтонские мечи
Татар могли однажды посечи
(Не знал покуда север степняков,
Но к нападению чаял быть готов).

Псковские дела

В политике единства и во власти
Не видит Псков³¹ последние года.
Непрочное боярское согласие,
Желанное теперь как никогда
Спасенья ради от врагов извне,
Качалось, словно лодка на волне.
Страшась грядущих грабежей монголов,
Друзья германцев выказали норов:
Звать рыцарей! Но общество в ответ
Им возражает, разницы, мол, нет
Между немецкой и монгольской силой,
Равно как между рабством и могилой.

³¹ Псковская республика, как и Новгородская, управлялась вече (народным собранием, а фактически советом больших людей (бояр), князя выбирали на время, приглашали из иных земель. Князь играл чисто исполнительскую роль. Эту роль и старался изменить Александр Невский.

Те жить хотели, эти чтили совесть,
И все твердили: вольность, вольность,
вольность...

Псков, город мой великий и обильный,
Что слово «вольность» значит для тебя?
Одним оно велит не бить поклонов
Владимирскому главному столу
И Новгороду кланяться нечасто.
От веку Псков живал своим умом,
Богат, обширен был и независим,
На том стоять и чадам завещал, –
Вот убежденье многих псковитян,
Их вольности цена равнялась жизни.

Под вольностью иные мнят права,
За злато взятые во имя злата.
Им все кругом купцы, и всё – товар –
Продай весь мир, но выгадай прибыльок.
Богатства мощь уразумев вполне,
Они служить готовы разным целям,
Которые воистину одно:
Стяжать, скопить, присвоить больше злата.
Что Псков? Что Русь? Богатство их святыня;
Чем больше прибыль, тем дороже жизнь.
И есть ещё без правил честолюбцы,
Отказано в доверии кому,
Их вольность – утоление их желаний,
Не разбирая ни путей, ни средств.

За власть иль месть они любой ценою
Заплатят, пусть и тысячей смертей.
Не всё ль равно для алчущего власти,
Где взять войска и деньги, чтоб вернуть
Значительность свою. Ему бы помнить:
Наёмники всегда верны тому,
Кто больше платит, и легко изменят
Любому повелителю, забыв
Его посулы, милости и щедрость...
Был честолюбцем беглый русский князь³².
В истории не стёрто это имя.
Я не желаю называть его,
Чтоб в памяти оно не закрепилось,
Но песнь ему я всё-таки сложу.

Песнь о предателе

Два человека из одной семьи
Различно жизни прожили свои,
В истории Руси помин оставив,
Но с вечной благодарностью один,
Другой же проклинаем и судим
Потомками в его презренной славе.

Был церковью их брак благословлён,
Но несчастлив и, кажется, бездетен.

³² Ярослав Владимирович – князь Новоторжский, Псковский. Сын Владимира Мстиславича псковского, племянник Мстислава Удатного.

Княгиня очень сокрушалась этим,
Наверное, и князь был удручён.
Случилось, что не принял на княженье
Его богатый Псков. Надменный князь,
Решеньем веча крепко оскорбясь,
Почёл служить Руси за униженье.
Покинув в Пскове добрую жену,
В немецкую подался сторону,
Где вскоре перед женщиной иною
Всё прежнее забыл он, всё родное.

Жена его, княгиня Ефросинья,
Внедолге в Пскове постриг приняла
И в новом для себя духовном чине
Взялась за благонравные дела.
Трудом, богатством да молитвы словом
На Завеличье ею был основан
Девичий монастырь. Его уж нет,
Но от него в веках остался след:
Ивановский собор стоит доньше
Во славу Божью, в память о княгине.

А князь и муж её алкал возврата
Нет, не княженья, даже и не злата,
Он более доволен был судьбой,
Когда б сумел свершить своё возмездье –
Сквитаться с Русью. В псковское предместье –
Изборск – тевтонцев князь привёл с собой,

Взяв крепость тяжким боем. Следом Псков
Стал на пути у рыцарских полков.
Град осадили, захватить в неделю
Ни штурмом, ни измором не сумели,
Но помогло им вот какое чудо:
Иуду превзошёл другой иуда.
Ворота распахнув, Твердила-каин
Сдал немцам город.

«Русь уже в разоре,
В ущербе лютом, там монгол хозяин,
Немчины³³ будут в Новгороде вскоре.
Авось, мои не тронут закрома», –
Посадник трезво рассудил весьма.

Твердила и боярский малый сход
Захватчиков встречали у ворот
С поклонами, иные ж псковичи,
Держались отчуждённо и мечи,
Ножи, багры припрятывали ближе.
Народ был зол, предательством унижен,
Терпеть недолго чаял иностранца,
И в городе весь следующий год
Нет-нет да труп тевтонца кто найдёт,
А виноватых... не могли дознаться.
Казнили без разбору и напрасно
Немчины горожан чуть не всечасно

³³ Немчины (немцы) – тоже не национальность, а название всех иноземцев, говорящих не по-русски, в какой-то степени, то же, что и латины.

И грабили, любой безделке рады,
Подворья городские, клети, склады.
Не усмирённый рыцарями Псков
Отправил тайно в Новгород гонцов...

Довольны вы, сторонники латин?
Вам новгородский князь не господин,
Но вот, встречайте: в городе Тевтон,
Кто им и от кого оборонён?

Беда разрастается

В тревоге Новгородская земля:
Тевтонцы в Пскове, Ладоге, Изборске,
Копорье, там и в Новгород нагрянут!
В ком обороны городу искать?
Ответа нет яснее: в Александре,
Не будь он вечем изгнан, но теперь
Боярам гордость жизни будет стоять.
«Бог милостив, и Ярославич-князь
Уступит лутшим людям, не чинясь.
Да, он горяч, самолюбив и грозен,
Но справедлив и в разуменье светел.
Пусть укорит, пусть вытянет кнутом,
Но лишь бы нас от ворогов избавил».
И в размышленьи этом и ином
Помчались новгородцы бить челом
В Владимир стольный, прямо к Ярославу.

Тот, зная Александрово упорство,
Андрея новгородцам предложил,
Меньшого сына, суздальского князя,
Но Невский вечу надобен герой.
И, заручившись словом Ярослава,
Что будут к ним владимирцев полки,
Поклон отбив, бояре удалились.
Их путь теперь лежал в Переяславль
По снежным, но уже согретым далям.
В Переяславле долго ждались,
Пока велел им молвить Александр.

**Дума об Александре.
Авторское отступление**

О, если бы, обидою ведом,
Он отказал надменным новгородцам, –
Себе, мол, пусть помогут чем придётся, –
Он был бы прав пред внутренним судом
И прав ли пред судом судьбы народной?
Чему внимал душой он благородной,
Каким многозначительным резонам
Или заветным внутренним законам,
Заложенным отцовскою наукой
И опытом, и размышленья мукой?
Не объявляя своего решенья,
Чего князь ждал? Какой хотел цены
Для своего за Новгород раденья?

Что обрело конечный перевес:
Обиженного сердца интерес
Или Руси, ещё которой нет –
Он от отца о ней в двенадцать лет
Узнал и целью жизни сделал главной –
Руси единой, вольной, православной?..

И Александр согласный дал ответ,
А новгородцы верили и нет,
Но вот ведь: согласился, защитит,
Хотя, похоже, всё ещё сердит.
Переяславских ратников построив,
Владимирских (отцовых) приняв воев,
Уводит Александр полки в поход,
Андрей за ними суздальцев ведёт.

Освобождение Пскова

С отрядом небольшим вооружённым
Копорье князь освободил изгоном³⁴
(Ему внезапность славно помогла
Вершить когда-то невские дела),
И вкоротке, собравшись воедино,
Колоннами пошли на Псков дружины.
Молва о них летит, как сноп лучей,
Воспламеняя души псковичей.
Завидев войско с городской стены,
И близкой битвой разгорячены

³⁴ с налёта, стремительным штурмом.

Кончане, руки повязав Твердиле,
Ворота городские отворили.
Полки вошли, князь ликованьем встречен,
Бой в городе был яр и скоротечен.
Победы чають рыцарям не след:
Любой проулок – фронт им, тыла нет,
Везде их бьют мечами ли, ножами;
В грудь ратник метит, в спину – горожанин.
Но вот судьба немчин определилась:
Кто не погиб, сдались на княжью милость.
Ещё не поумерив гневный пыл,
Князь виноватых³⁵ нескольких казнил,
На этом завершив кровопролитье,
Полки пустил по городу в зажитья³⁶ –
Ждал вражьего ответного броска
И потому не отводил войска...

Долинами под вешними снегами,
Озёр и рек седыми берегами
Тевтонцев горстка, выбравшись из Пскова,
Примчалась в Дерпт в молчании суровом
В надежде новых рыцарей призвать
В когорту крестоносную на рать.
Для немцев Русь-земля и Русь-народ
Сливались в образ князя-полководца:

³⁵ Судьба Ярослава Владимировича сложилась куда более счастливо. Со временем он был прощён Александром и даже участвовал в совместных с ним походах. Твердила сбежал к немцам.

³⁶ временное проживание на постое.

Когда на сече Александр падёт, –
Вся Русь исчезнет под пятой тевтонца...
Глубокой ночью в Пскове на Крому,
Без сна, один по горнице шагая,
Прислушиваясь, вглядываясь в тьму,
К оконцу то и дело приникая,
Князь ждал с упорной тенью на челе
Вестей от запоздавшего розгона³⁷
О нынешних намереньях Тевтона.
Вернулись трое, чуть держась в седле,
Неравным изнурённые сраженьем,
И поспешили к князю с донесеньем:
«Повдоль Омовжи, Матери-реки,
Шагают крестоносные полки.
Идут неходко, плотно, осторожно,
Их видеть с Соколихи³⁸ будет можно
(Разведчики на них и нарвались
И сгибли, хоть отчаянно дрались).
В проливе, меж озёрами, по льду
«кресты» на русский берег перейдут».

Куда как ясно. На решенья скор,
Князь Александр по берегу озёр

³⁷ разведка.

³⁸ *Соколиха* – гора (75м) в окрестностях Пскова, откуда по преданию воины А. Невского могли наблюдать передвижения крестоносцев. Мимо Соколихи пролегал путь русского войска к месту Ледового побоища. Монумент на Соколихе установлен в 1993 г. Авторы проекта: И.И.Козловский и П.С.Бутенко, позже к ним присоединились А.И.Козловский и Р.С.Кириллова.

Повёл полки на роковую встречу
И место выбрал сам грядущей сечи
На берегу, в равнине ледяной,
В виду приметной скалки островной³⁹.

**Монумент на горе Соколихе.
Авторское отступление**

Гора ли ты, горушка Соколиха!
На склонах распростёршихся твоих
Стоит дружина неподвижно тихо,
И мир вокруг величественно тих.
В рост поднялись торжественные вои
В готовности к небытию и бою.
Князь и дружина, копыта их, мечи –
Все с вертикалью храмовой свечи,
Как будто статью возглашают строгой,
Что вверили себя всецело Богу –
Он милости податель, сил даритель,
И в небе их последняя обитель...
От западных долин на встречу к ним
По берегам болотистым и низким
Шёл некогда тупой тевтонцев клин,
Но нет им, и не будетobelиска,
Нет памятки бесславной их кончины,
Нет ни следа – болота да тернины...

³⁹ Вороний Камень.

Битва орла с кабаном⁴⁰

Ещё озёра, скованные льдом,
Не думали сменять свои наряды,
По льду вились немецкие отряды
Под белоснежным знаменем с крестом.
Построившись в порядок боевой,
Подобие затупленного клина
(Зовётся он «кабаньей головой» –
«Свиньёй» по-русски, хлёстко и недлинно),
Шли рыцари линейными рядами,
Звеня вооруженьем в ритм шагов,
Укрывшись за огромными щитами
С крестами через всю длину щитов.
Железной рать казалась, крепко слитой,
Под верною Господнею защитой.
На берегу их русский ждал «орёл»,
Углом раскрыв крыла врагам навстречу,
А перед ним стрелковый лёгкий полк
Нарушил вражий строй, вступая в сечу.
Тот полк погибнуть первым должен был,
Гася удар стремительного «рыла»,
Впуская постепенно между крыл
Тевтонцев к русским главным ратным силам,
Где жарче разгорелась сеча зла,

⁴⁰ Виды построения войска. У русских – к центральным главным силам по обеим сторонам прилегал полк правой и левой руки – похоже на распростёртые крылья птицы («орёл»). У рыцарей – строгий клин притупленным остриём вперёд – «кабан», «кабанья голова», «свинья» или «свиное рыло».

Стихии все поколебав земные.
«Свинья» ещё сильна против «орла»,
Смыкавшего за ней крыла стальные.
Невесть откуда вдруг торопко в бой
Засадный полк князь вывел за собой,
И под давленьем новых сил и стали
Псы-рыцари позиции сдавали,
Уже не соблюдая стройный ход
И пятясь, пятясь на озёрный лёд,
Не помышляя боле об успехе;
Им тяжелы казались их доспехи.
Вдруг озеро, вздыхая, пробудилось,
Как будто бы весна устала ждать,
Лёд треснул, заметалась вражья рать,
Узрев, на ком отныне Божья милость.
Бежали предводители «свиньи»,
Иных глотала водная пучина,
А тех, кто жизни сберегли свои,
Свела в колонну русская дружина.
Полон вчерашних рыцарей обильный
Брёл в Новгород, бесславный и бессильный.

Брели босые немцы-полоняне
И снег апрельский плавили ступнями,
С землёю размешав до черноты,
Кой-где кровяня льдистые пласты.
А князь сидел недвижно на коне,
На шествие взирая в стороне.

Исход сраженья князем подытожен –
Он на Неве ковался и Омовже
Задорной силой юных удалцов
И боевою сметкой их отцов.
В задумчивом немом оцепененье
Князь был как будто мысли воплощеньем:
Святые папы зарекутся пусть
Небезопасный соблюдать обычай –
Смотреть, как на доступную добычу,
На слабую разрозненную Русь.
Пусть знают, что найдётся в государстве,
Поставленном к черте уничтоженья,
Кому латин понудить к уваженью,
Унять их пыл в желаньях и коварстве.

ЧАСТЬ 2

Монголы на Адриатике⁴¹

О, море – степь небесно-голубая
В прозрачной дымке солнечного дня!
Мы шли к тебе, в сраженьях погибая,
Мы шли к тебе, сжигая и казня,
В крови, сквозь ярость, ненависть и стоны,
В болотах и снегах по стремена –
Нам ныне волн так странен шёпот томный
И так странна твоя голубизна.

⁴¹ Поход монголов на запад, начавшись с разгрома Руси (1238-1240), закончился на Адриатике в 1242 г.

Везде плоды бессмысленной работы
Упорных вод, разгневанных ветров:
Промытые мосты, пещеры, гроты,
Столбы и пики, россыпь островов.
Столетия море в бликах и тенях
Слоёные обтёсывало скалы
И будто бы когтями выскребало
Продольные бороздки на камнях.
Неспешно тонет берег в крови заката,
Как будто бой окончился вдали,
И дела больше нет, пора обратно,
На берега Итиля⁴², в ковыли...

.....

Едва закончив ратные труды,
Под плеск адриатической воды
Монголы, намечая путь обратный,
Стан развернули шумный, необъятный:
Костры горели, кони сонно ржали,
И песнь в морские устремлялась дали, –
Нетвёрдый голос юного нукера⁴³
Победы славил князя Искендера⁴⁴.
Один лишь в отдаленье джихангир⁴⁵
Не погружён в отдохновенный мир;

⁴² Волга, Прикаспийские степи.

⁴³ Дружинник на службе знати в период становления феодализма в Монголии.

⁴⁴ Александра Невского.

⁴⁵ Полководец, главный военачальник, в данном случае – хан Батый.

Хан молчалив, задумчив и угрюм,
Никто его не прозревает дум.
Взор хана не блуждает на просторе,
Не привлечён искристою волной;
Что хану это плещущее море! –
Куда коварней море за спиной:
Лежат в руинах сумрачные страны,
Покорены народы без числа,
Но их в повиновенье постоянном
Держать бы рать Батыя не могла:
Несла Европа страшные потери,
Но и полки монгольские редели...
Чингисово исполнив завещанье⁴⁶,
Монголов приведя на край земной,
Батый не мог помыслить о признании
В столице дальней родины степной:
В Каракоруме правит старший брат –
Враг джихангира преданный и верный,
И за поход на запад беспримерный
Не почести Батыя ждут, а яд.
Гуюк⁴⁷, племянник, та ещё ехидна,
Хоть не прочтёшь об этом по лицу,

⁴⁶ Предание, будто Чингисхан предсказывал, что его потомки доведут монголов в победном покорении народов до края земли (западных морей).

⁴⁷ Гуюк (1206-1248) – старший сын старшего Батыева брата Угэдэя. Гуюк во время похода незаслуженно оскорбил Батыя, за что был выслан из армии к отцу. Отец сына не принял и отправил обратно под начало Батыя, за это Гуюк смертельно возненавидел и отца и дядю.

Воюет рядом, только метит в спину,
И джихангиру метит и отцу.
Итак, в Каракорум дороги нет,
Но для монгола дом – весь белый свет.
Что ж, решено: в Итиля рукавах,
На вытянутых дельты островах,
Где путь к востоку тянется торговый,
Батый в мечтах уж видит город новый.
Пусть бог Сульдэ⁴⁸ в том деле не поможет,
Зато посмотрит, как Батый заложит
Столицу Золотой своей Орды⁴⁹
Невиданной доселе красоты...
Стремительней, чем русские метели,
Монголы в степь на Каспий прилетели
(Войны им там хватало и сейчас –
Бурлил междоусобьями Кавказ),
И вот уже из покорённых стран
Сводились на Итиль, в Батыев стан
Каменотёсы, зодчие, писцы,
Художники⁵⁰, гончары и кузнецы,
Различного пошиба грамотеи
Для всякой ханской блажи и затеи.

⁴⁸ Бог войны у монголов.

⁴⁹ *Сарай* – столица Золотой Орды был основан как город в 1250 г., до того примерно на том месте существовала ставка Батыева – походное поселение. Золотая Орда – западная часть (улус) монгольской империи.

⁵⁰ художники.

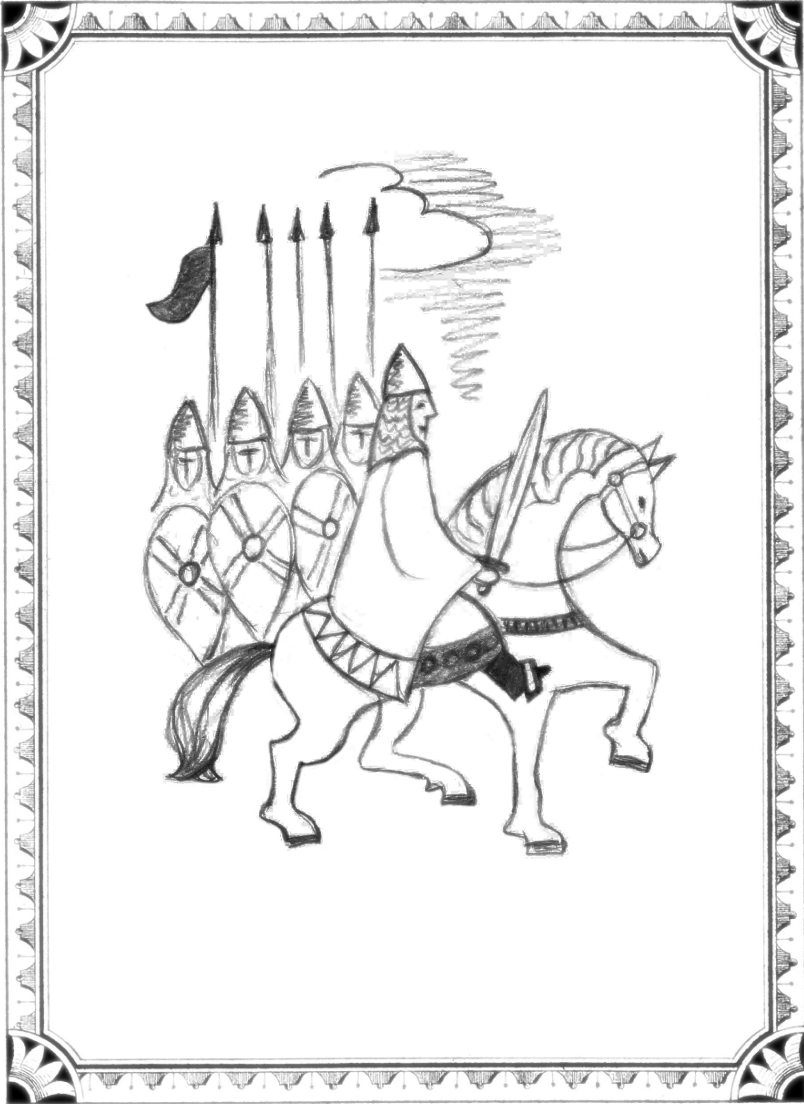
В Батыевой ставке на Итиле

Здесь слишком всё, всё валом, всё горою:
Шатры, загоны, юрты, городьба,
Здесь заплутает и сама судьба,
Ища себе героя иль изгоя.
У ветхого надзорного шатра
Невольники теснятся, мастера,
Повсюду кони, вои, жёны, дети, –
Смесь, хаос, каша из всего на свете...
В высокой юрте, на исходе суток,
Батыев сын Сартак, потупя взор,
К речам отца почтителен и чуток,
Пока что не вступает в разговор.
За юртой стан шумит многоголосо.
Хан к сыну обращается с вопросом,
В ответ – ни звука. Мнится вдруг Батыю,
Как будто сын предстал пред ним впервые:
Отважен он – хан в деле это видел,
Царевича хвалил и Субедей⁵¹,
Но в Сартаке нет гнева на людей,
Он ни коня, ни птицы не обидел,
Его растила христианка мать,
Но то добро иль худо – как понять?
Молчит царевич. Хан и сам притих,
Как будто чтобы слышать мысли сына,

⁵¹ Видный талантливый военачальник армии Батя, соратник Чингисхана.

А услышал сквозь войлок дружный стих –
Монголы пели выпренно и длинно
И снова песнь о русском Искендере,
Его ледовой битве, боге, вере.
Един у Сартака и князя бог...
Ну что же, хан не будет к сыну строг,
Пожалуй, даже выгодно, что сын
Не мусульманин, а христианин.
Окликнул хан его без раздраженья,
Уже обдумав нужное решенье
И не желая медлить до рассвета:
С Руси взять дань за три последних лета,
И скачут пусть посланники степные
Владимирского князя звать к Батыю.
Роскошные дары вперед прислав,
Предстал перед Батыем Ярослав⁵²
И принят был без лести и без спеси.
Отец того, о ком слагают песни,
Достоин и великого княженья, –
Такое всем объявлено решенье.
Но каждому, кто лучше знал Батыя,
За тем решеньем виделись иные...

⁵² Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский, главный представитель проигравшей войну стороны. Батый утвердил за ним великое княжение, но выдать ярлыка не мог – не имел полномочий, зато, похоже, выступил ходатаем в этом деле перед великим каганом в Каракоруме.

1243 год

Князь Ярослав со свитой с охраной
В раздумьях возвращался из Орды.
За степью, перелесками, лесами,
Как дивный терем, открывалась Русь.
Нет в красоте её гордыни низкой –
Бесхитrostное красованье есть
Спокойных рек тягучею водою,
Извилистой волною длинных трав,
Исчерченною светом и тенями
Лесной дорогой, пахнущей смолой.
Щедра земля, сильна, а беззащитна,
И ныне обезлюдела почти.
Рязань уж не поднимется из пепла...
Вон церковь, будто инок-инвалид,
Стоит в смиренной вековечной скорби
По княжичу и молодой княгине,
И каждому погибшему, храня
Сказанье о рязанце Коловрате...
Козельск. Злой город. С лишком семь недель
Держался против туменов монгольских,
Не дождался подмоги и сожжён:
Ни человека, ни двора, – всё пепел.
Чернигов, Киев степняка б сдержали,
Когда б своими не разорены...
Торжок, Владимир, Суздаль, та же Сить,
Любая, даже малая заимка

На низовской ли, южной ли Руси
Одно как будто проклиная имя –
Батый...

Так зрил и мысленно и явно
Князь Ярослав, обласканный в Орде.
Своим владыка и слуга монголам,
Сбирать врагам отныне призван дань
С поверженной Руси – о, вот расплата
За разобщённость, безрассудство, но
Довольно покаяния, к чему?
Что допустили – то и очевидно:
Русь воевать сегодня не сильна,
И нужно ждать, готовиться и крепнуть.
Однако, ласка хана Ярославу
Странна, да не досуг искать причин,
Князь думал, как приветливость Батыея
На пользу обернуть бы для Руси...
Но вот, что князю вправду было ново –
В Орде ничьих не презирают вер!

Вернулся Ярослав, позвал сынов,
Запальчиво и долго говорили,
Предвидели немало разных бед,
Но вряд ли понимали, скоро как
В причудливом, слепом порядке будут
Отлистаны истории страницы.

Андрей⁵³ и Александр

Отца Андрей в негодованье слушал,
Не мог смириться с участью Руси,
С монголами готов сейчас сразиться,
На западе союзы заключив.
Не так картину видел Александр:
А ну-ка, призови сейчас в подмогу
На слабую разрозненную Русь
Латин союзных. То-то будет помощь;
В Копорье, Пскове видано уже.
С монголами война сейчас – погибель,
Тут прав отец: пока что дорог мир.
Нужны латинам земли, воды, души,
Зато монголам не нужна земля
С болотами, чащобами лесными,
Не истребят они и Божью веру,
А вот зерно и золото – подай...

Сартак размышлял

Гнедые скакуны – дурные вести
В Сарай примчались из Каракорума⁵⁴:
Скончался Угэдэй, и ждёт Гуюк
Избрания себя великим ханом.

⁵³ Андрей, младший брат Александра, приверженец прозападной политики, зять Даниила Галицкого, Великий князь Владимирский (1248-1252), князь Суздальский (1256-1264).

⁵⁴ Город в Центральной Азии, столица Монгольской империи.

Едва Гуюк займёт престол Чингиса⁵⁵,
Он на Батюга двинется войной.
Батыево же войско для него –
Что горсть песка в сравнении с пустыней, –
То понимал Сартак.

В канун войны

Орде толковый нужен был союзник.
И как тут не подумать о Руси:
Поверженные княжества принудить,
А тех, с кем не сражались, взять в союз,
Хотя и он, по сути, принужденье,
Но малость эта для большой войны
Имеет пустяковое значенье.

Разговор Александра с митрополитом Кириллом⁵⁶

За участью великого княженья,
Монголо-русский караван собрав,
Князь Ярослав отправился в далёкий,
Неведомый досель Каракорум.

⁵⁵ Престол Великого хана, кагана всей Монгольской империи.

⁵⁶ Митрополит Киевский и Всея Руси, прим. в 1243 г. избран собором епископов при поддержке князя Даниила Романовича Галицкого на Киевскую кафедру, вдовствовавшую после разгрома Киева Батыем. В 1251 году поехал в Новгород, где впервые встретился с Александром Невским. С 1251 года Кирилл почти постоянно пребывал на северо-востоке Руси, содействуя Александру. Как и князь Александр, митрополит избрал в своей политике путь сотрудничества с монголами и борьбы против католической экспансии. Умер в 1281г.

Неходкий тяжко движется обоз,
Навьюченный несчётными дарами,
Передвижными юртами скрипя,
Влекомыми могучими быками.
Далёкий путь. По меньшей мере, год
Пройдет под качкий, мерный ход верблюдов.
Что потеряет, что приобретёт
Князь русичей за мрачными горами,
Бескрайними, безводными степями,
И где и чем закончится поход?..
Стремится князь попасть на курултай,
Где хан Гуюк взойдёт на стол Чингиса
И Ярославу золотой ярлык
Вручит для полновластия над Русью⁵⁷.

А в Новгороде, в монастырский храм
Князь Александр пришёл к митрополиту:

«Батый зовёт. Зачем? Поведай, отче.

Я с ним не бился, не был побеждён,
И я не данник. Что мне с ним делить?»

«На Господа, мой сыне, полагайся,

А про Батыя понимай одно:

Зовёт, так знать, нужду в тебе имеет.

Не данник – значит, гость. Да, говорят,

Царевич их христианин как будто».

⁵⁷ *Ярлык* (пайцзу) на великое княжение уполномочен был выдавать только великий каган в Каракоруме. Хан Золотой Орды не имел таких полномочий, но Батый и последующие ханы Золотой Орды проводили политику постепенного отмежевания от центральной власти, и вскоре сами уже назначали великих князей, без санкций Каракорума.

Гибель Ярослава

Как долгод был твой путь, пресветлый князь,
И как о смерти скоро слух примчался...
Измаянный гонец, едва влачась,
В ворота торопливо постучался,
Он мало знал и был на речи скуп,
Он говорил с трудом, в изнеможенье:
Пайцзою на великое княженье
Увенчанный домой вернётся труп, –
Отравлен Ярослав. Великий стол
По праву б Александру отошёл,
Но быть на то должна монголов воля
(Не избежать в Сарай поездки боле).
Отпели Ярослава, снова шум;
Волнуется, гудит Каракорум:
Гуюк пронзён стрелой, погиб без звука,
Батью не грозит теперь войной,
Но разве не начнёт её иной
Каган великий – старший сын Гуюка?
Орда и Русь таких не ждали бедствий,
Не заблуждались и насчёт последствий.
Никто надежды не питал пустые,
Ни хан Орды, ни новгородский князь.
И Александр отправился к Батью,
Митрополита словом укрепясь...

Поездка в Орду. Побратимы

До ханских юрт – мощёная дорожка,
И факелы по обе стороны
То вспыхивают, то мерцают дрожко,
Высоко на шестах прикреплены.
Князь Александр чрез несколько шагов
Войдёт, склонясь, в Батыеву обитель.
Князь не вассал, и хан не победитель,
Но это – обиталище врагов,
Руси две трети в прах поразоривших,
Отца в Каракоруме умертвивших...
Здесь, в факельном прерывистом свеченье
С реальностью переплелось виденье:
Шагает гулко по настилам князь,
А Русь ему на плечи оперлась...

Приветствовал Батый приезжих лёжа,
Он боль неодолимую терпел⁵⁸,
Но перемолвил с князем слово всё же,
А там своим нукерам повелел
В покои к Сартаку посольство весть,
Оказывая сдержанную честь...
Сартак воссел на низкий длинный трон,
Кивком ответил гостю на поклон.
Так вот он, князь – герой монгольских песен:
Высок и крепок, воинская статья,

⁵⁸ страдал подагрой.

Глаза светлы и взгляд открыт и честен,
И помыслы, хотя, откуда знать...
Такой монголу враг – считай, награда,
И если он в бою непобедим,
То значит, станет друг и побратим,
Брат по оружию, по-монгольски – анда.

Сартак смотрел на гостя своего,
И Александр рассматривал его;
Христианина зреть куда как ново
В обличии наездника степного:
Приземист, коренаст. Звериный взор,
Казалось князю, как копьё, остёр.
Из всех даров – коней, мехов и злата –
Меч харалужный⁵⁹ предпочёл Сартак,
И саблю из индийского булата
Подносит Александру – важный знак
Особой дружбы. Яссы предписанием
Такой обмен считается братаньем.
Князь посчитал обряд вполне невинным,
Брататься разве грех с христианином?
Во всякие случалось времена,
Что не решает многого война,
Порою сила не с мечом, а словом.
Бывает дальновидный договор
Куда нужней нашествия большого,
И мир худой полезней добрых ссор.

⁵⁹ Особо изготовленная булатная оружейная сталь.

Ярославичи. С ярлыками и без них

Собрат ещё не есть великий князь,
Тут не Сарай – Каракорум решает.
Князь Александр и брат меньшей Андрей,
Как некогда отец их Ярослав,
Собрав обоз с дарами и людьми,
Верблюдами, шатрами, лошадьми,
Пустились в ту же тягостную даль.
О чём в дороге братья говорили?
Приветливы ли с русичами были
Попутные степные племена?
Неведомо... Известны лишь итоги
Далёкого в Монголию хождения:
Владимирское суждено княженю
Андрею, Александру отдан Киев.
Но Александр оставить не спешит
Свой Новгород богатый и ослушный.
Туда-то и приспело письмецо
От папы⁶⁰ из лукавого Лиона;
Понтифик звал в латинской церкви лоно.
Не принял папской ласки Александр.

Андрей отказ Лиону не одобрил,
Равно как дружбу брата с Сартаком.
Упорно и давно искал Андрей
Надёжного союзника в Европе,

⁶⁰ В 1248г. папа Иннокентий IV прислал кн. Александру письмо с предложением поменять веру. Князь ответил отказом.

А на Руси его соратник был
Князь Галицкий, строптивый Даниил,
Монголам много раз казавший норов,
Но был ли общий план против монголов,
Доподлинно не писано нигде,
Однако досадил Андрей Орде,
И ханский гнев был для Руси ужасен –
Кровавое нашествие Неврюя⁶¹.
Неврюй Андрея в сече одолел,
В отчаянное бегство повергая,
А низовские земли расплатились
За княжеские промахи сполна.
Опять земля стонала и горела,
Людей кругом, что трав, посечено.

Дым по земле. Лишь жёлто-серый дым.
Кругами хлопья пепла ветер носит,
И тишь вокруг – здесь некому стонать –
Все стоны вниз по Волге утекают,
И медленно в невольничьих плотах
Туманом застилаются и тают.
О как же тихо... Страшная картина
Открылась Александровым очам,
Когда великим князем он взошёл
На отчий, на Владимирский престол.
Вся низовская Русь теперь – его

⁶¹ *Картаг Неврюй* – полководец Сартака, в IV Новгородской летописи назван царевичем. В 1252 году послан на Русь с карательными целями против князя Андрея Ярославича.

До гроба неусышное раденье.
Скликался во Владимир беглый люд,
Кто от Неврюя по лесам спасался,
И снова брали в руки топоры,
И снова башни, церкви возводили,
Палаты, избы, клетки, терема.
Русь возрождалась, строилась, росла,
От свежих срубов делаясь светла,
И воздух пах сосновою щепой.

Рядом с Александром

Что ж, Александр – великий князь.
Свершилось.
Но это не монгольских ханов милость,
А русские законы старшинства,
Наследственные князевы права⁶².
Пусть нет ещё золотого ярлыка,
Но он сейчас не главное пока.
Земля вокруг – на сколько хватит ока –
Разорена, с заката и востока –
Враги. Погибших сотни тысяч – вот,
Чему великий князь теперь оплот

⁶² В средневековой Руси княжий стол переходил не от отца к сыну, как установилось позднее, а от старшего в роду к следующему по возрасту за ним – брату или старшему сыну, как получалось. В год назначения монголами великим князем Андрея было нарушено это уложение, со смертью Ярослава наследником по возрасту должен был стать Александр. После побега Андрея в Швецию порядок наследования великого престола был восстановлен.

И благодетель, и судеб вершитель,
Но кто его сторонник и ревнитель,
С кем мог бы Александр держать совет?
Кто этот человек? Такого нет.
Из ближних лишь митрополит Кирилл
Внял Александру и благословил.
Брат? Просится домой, под отчий кров,
Князь Александр принять его готов,
Но нравом брат горяч, в делах неловкий,
Не видит сил реальной расстановки,
Ни в чём ему довериться нельзя,
Но лучше ли удельные князья?
Уделы их нищают и мельчают,
Походов чаще требуют дружины,
Князья ж весомой силой господина
День ото дня всё меньше обладают,
Заложники дружин, бояр и нрава, –
Великая ли на врагов управа?
Василий⁶³ – ныне новгородский князь,
Такой же, как и прочие, – не власть,
Колеблется между отцом и вечем,
А утвердить себя во власти нечем.
И срок уплаты дани неминуем,
Но – лишь зола в избытке за Неврюем...
Удельные соперники-князья,

⁶³ Василий – старший сын Невского (предп.1240–1271). С 1252 по 1258 год – князь-наместник Новгородский, с 1259 по 1271 год – князь Переяславский. Не совсем бесхарактерный, имел свою точку зрения, был отважен в бою.

В боях вкусив обиду пораженья
И осознав, что запросто нельзя
Восстановить былое положенье,
Сочли ярлык Ордынский даже кстати
В грядущем укрепленье личной власти,
Свой о монголах заключая суд:
Кому дают ярлык – и рать дадут
Укоротить строптивного соседа,
Пойти в поход на немца или шведа.
И пусть бы так, но с ярлыком и без
Орда блюдёт свой кровный интерес:
Чем чаще помощь русичам нужна,
Тем выше будет и её цена.
Да... Русь не возмужает слишком скоро,
Не завтра ей подняться из пыли,
Но может, хоть тяжёлые поборы
Сумеют то, что речи не смогли,
Князей понудят, выходов ища,
И действовать, и мыслить сообща...

Так Александр и княжил. Сам себе
Советчик был, ответчик, обвинитель,
Вершитель ближних и далёких целей,
Отцовы с детства помня наставленья:
Совет прими, но на слово не верь,
До сути доходи своею думкой.
Был всё ж один, кому князь доверял
Пусть не во всём, но в сокровенно малом,

С кем мог бы он душою отдохнуть,
Забыв дела, побыть самим собою
И норов неуёмный утишить.
Тот человек – княгиня Александра.
Как остров, очарованный Буян
Средь зыблемого бурей океана,
Манит покоем горенка жены,
Где, пусть на час, утихнет долга глас...
Вздымаются сомненья, как волна,
И как волна, откатываясь, тают,
Когда любовно князево чело
Княгинины ладони накрывают.
«Возможешь ли нас, ладо, защитить?» –
Жена и в мыслях так не вопрошает,
Но будь князь даже трижды побеждён,
Она б его ни в чём не укорила.
Он не подсуден для неё, как Бог,
А потому и страх у князя в сердце –
Однажды не сумеет своей жене
Взглянуть в безмерно верящие очи.
И он не мог, не смел их подвести.
Он уходил на битвы, отстраняя
Княгининых лебяжьих рук крыла,
Шёл по двору, к окну не обернувшись,
Но чувствуя её тревожный взгляд,
Отринув все недавние сомненья...

Новгород и Василий

Василием бояре недовольны:
Отцу послушен, духом слаб, глядишь,
Под дудку Александра петь придётся.
Терпеть такое Новгород не мог
И вскоре со стола согнал Василья,
Свои права и волю соблюдая, –
Так думал город, Александр – не так!
Князь силой войска горожан принудил
Василия в князя обратно взять
Без всяких оговорок и условий⁶⁴.
Не то чтоб от того достало пользы,
Но новгородцы чувствовать должны:
Великокняжья власть теперь иная,
Ей уложенья веча не указ.
И Новгород Великий покорился.
Для виду? Знать бы... Но никто б не стал
Возможность исключать неявной мести –
Случайного несчастья тишком,
Когда уймётся видимая смута...
Василий это понимал вполне.
Не обладая твёрдостью отцовской
И княжеского весу не снискав,
Пытался угодить и большим людям,
И меньших не обидеть чересчур.

⁶⁴ В 1255 году новгородцы изгнали от себя Василия и призвали Ярослава Ярославича из Пскова. Невский же силой оружия заставил их принять Василия обратно.

Пришла пора низам для сбора дани,
Но дани Александру не собрать, –
Кругом на горсть ни меди, ни зерна,
А не сберёшь, нашлют ещё неврюев.
Вот если б Новгородская земля,
Что златом, хлебом, рухлядью обильна,
Дала за низовскую Русь число...
И Александр туда послал монголов.

К Василью горожане прибежали,
Упали шумно в ноги: – Рассуди!
Николи мы не битые Ордою,
Почто же князь Владимирский послал
К нам численников⁶⁵, нехристей ордынских?
Давать числа Батыге не вели!

С Васильева нетвёрдого согласья
Монголов новгородцы проводили.
О том проведал вскоре Александр
И в гневе налетел на вольный город.
Зачинщиков казнил, сослал Василья⁶⁶
И численных с охраной возвратил.
(О, Новгород, сытой да недалёкий!
Когда по ваши головы неврюй

⁶⁵ Сборщики дани. Число, тамга, десятина – дань, плата побеждённых победителю.

⁶⁶ В 1257 году монгольская перепись была сорвана в Новгороде с согласия князя Василия. Александр наказал зачинщиков и вернул численников в Новгород. Василий, разделяя чувства горожан, не желая ссориться с отцом, ушёл во Псков, но Александр сослал его в Переяславль, посадив в Новгороде второго своего сына Дмитрия.

Придѣт, чем, люди, мните защититься?
Болота ли, леса ль вас сберегут
От туменов, прошедших всю Европу?)
А численники, видя злое дело,
Собрали дань да увились в Орду.
Что Александр о бунте Сартаку
Потом поведал, как умилосердил –
Незнаемо. Но Русь монгол не тронул.
А вскоре взволновалась вся Орда:
Батый скончался, вслед за ним Сартак.
Улавчий⁶⁷ ненадолго сел в Сарае
И отдал душу – богу, трон – Берке⁶⁸.

Восстание

Пока ещё не мнится и намѣк,
Что для Руси с Ордой необратимо
Сменилось время, и событий ток
Разводит их пути неумолимо...

Берке имел холодный ровный нрав,
Сношений с Александром не порвав,
Русь понимал подателем богатства
Вне прав и мер союзничества, братства;

⁶⁷ Улавчий (Улагчи́) – потомок Чингисхана, хан Золотой Орды (1256-1257), сын Сартака.

⁶⁸ Берке (1209-1266) – хан Золотой Орды, брат Батые. Первым из монгольских ханов принял ислам. Продолжал политику Батые по укреплению независимости улуса (государства) от власти Каракорума. При Берке Золотая Орда стала фактически независимым от великого хана (кагана) государством.

Ислам среди ордынцев утверждая,
Строптивых укрощая в меру сил,
В Галицию отправил Бурундая⁶⁹, –
И уступил монголам Даниил.
Подвигнув Русь к тяжёлым переменам,
Хан отдал дань на откуп бесерменам⁷⁰.
На тяжкие, безмерные поборы,
Что, божеского гнева не боясь,
С народа брали бесермены-воры,
Вся Русь в ожесточенье поднялась,
И бил народ хивинцев обречённо,
С отчаянной отвагой угнетённых,
Себя ввергая в бóльшую беду.
Князь Александр отправился в Орду
И приложил немалое старанье,
Чтоб данников измученных восстанье
Берке, как и Сартак, не подавил
И снова Русь в крови не утопил⁷¹.
Берке в совете с Александром вскоре
Построил православное подворье,

⁶⁹ *Бурундай* – военачальник, темник Батыя, друг Субедея, один из руководителей западного похода в 1236–1242 гг. В 1259 г. победил Даниила Галицкого, установив монгольское владычество в Южной Руси.

⁷⁰ Хивинские купцы, собиравшие дань с Руси в интересах монголов, установили такой грабительский процент (в свой карман), что русские не выдержали и подняли восстание.

⁷¹ Берке не планировал наказывать русичей за восстание, поскольку «обиженные» хивинские купцы – не монголы, были назначены ненавистным Каракорумом. Взятку с Александра, однако, потребовал.

Число велел не брать с церковей Руси⁷²;
Князь Александр к тому же испросил
И брату бесприютному прощенье⁷³,
Послав в Орду большое подношенье.
И вот так весть: на западе народы
От Ордена возжаждали свободы,
Негласно, но вполне определённо
Литва звала Владимирскую Русь⁷⁴
В военно-политический союз,
Чтоб сокрушить могущество Тевтона...

Так жил великий князь. Не знал покоя,
Для дела жил, не дорожа собою.
То в Новгород, то он в Литву спешил,
Детей, князей мирил по мере сил,
То прилагая ум, то жёсткий нрав,
И снова князь в Орду летел стремглав,
Чтоб русичей не дать втянуть в войну
На стороне монголов ни в одну.

Приездом Александра был Берке

⁷² Учреждена в 1261 году митрополитом Кириллом по ходатайству Александра Невского с разрешения Берке с кафедрой в Сарае (Сарай-Бату). Дань же с церковей монголы не брали изначально.

⁷³ Возможно, прощение Андрею даровал ещё Улагчи (Улавчий).

⁷⁴ В 1262 году Невский подписал с литовским князем Миндовгом союзный договор против Ливонского ордена. Договор восстанавливал права Александра в Полоцкой земле, утраченные по смерти тестя. Боевые действия Договор планировал начать летом 1262 г., но из-за срочного отъезда Александра в Орду планы не осуществились полностью и вовремя: русские войска выступили на месяц позже, и вёл их сын Александра Невского Дмитрий Александрович и младший брат Ярослав Ярославич.

Доволен, разъезжая налегке
По становищам, гостя влѣк повсюду,
Не отвечая просьбам, даже будто
Не слыша их. И – пир везде горой.
Лишь через год князь выехал домой
С благими увереньями, при этом
Не слишком обольстившийся ответом.

* * *

Домой, домой... В пути уже обратном,
Как будто побывавший в деле ратном,
Князь чувствовал безмерную усталость.
Пред ним ещё лежал неблизкий путь,
А так хотелось просто отдохнуть,
Но то была не временная слабость.
Князь заболел и слѣг. Он умирал.
Казалось, он по капле отдавал
Себя версте, сменявшейся верстою.
Вид Волги будто звал его к покою,
И в Городце над русскою рекой
Дарован Богом был ему покой,
Как жданная, заслуженная милость.
Молва набатом по Руси катилась –
Князь умер!

В Боголюбово народ
Печальному обозу встречъ идѣт
Проститься с князем, со своим героем;
Широкою, густой живой рекою

В Владимир князя провожает тело,
Стенанья поднимая то и дело.
Встречая их, митрополит Кирилл
У церкви Рождества провозгласил:
«Зашло солнце земли русской!»
И в горестном народ самозабвенье
Пал круговой волною на колени...

Эпилог

1

Свершённое великим Александром,
Казалось, прахом всё пошло, всё даром.
И к лучшему, что не увидел князь:
Волна усобиц снова поднялась,
В преступном и бездумном ослепленье
Русь повергая в кровь и разоренье.
Нет, не видал, но ведал наш герой,
Как исподволь деяния порой
Характеры меняют без возврата:
Монголы, избалованные златом,
Которым покупались ярлыки,
Уж неохотно строились в полки.
Где щедрые подарки, речи льстивы,
Там жажда скорой, даровой поживы
Неутолима. Потому не странно,
Что поздние потомки Чингисхана
Звон боевой несокрушимой стали
На роскошь, лесть и праздность променяли,

И откупы, и взятки брали всласть,
Интриговали в происках за власть.
Так с первой взятки, с самого начала
Невидимо Орда ослабевала.
А на Руси росло сопротивление,
Настойчивее раздавалось мнение:
Вершить дела по общему совету,
Чтоб притязать в грядущем на победу.
Одних идей для воли было мало,
Но Русь всё глубже их осознавала.

Не видел Александр-отец, как дети
Соперничают, ссорятся постыдно,
Друг через друга всяк в герои метит,
Меж тем героев среди них не видно.
Из них один лишь младший Даниил
С соседями вражды не заводил,
Не жалуя ни брани, ни молвы,
Он ставил стены маленькой Москвы.
Сын Даниила, Александров внук
Возьмётся земли собирать вокруг
Москвы, идя иной дорогой к цели,
Достичь которой так и не сумели
Владимирские славные князья,
Но их деяний умалять нельзя.
Спустя века их многие старанья
В надёжное сложились основанье,
На нём через борьбу, через мытарства
Выстраивалось зданье государства.

2. Портрет Александра в окружении удельных князей

Я, изучив истории страницы,
В воображенье рисовала лица
Своих героев. Александра тоже,
Но выходило слишком уж похоже
На херувима – рус, голубоглаз.
Закончив труд, я думаю сейчас:
Глаза, румянец, кудри – всё пустое,
Мой князь красив не внешней красотой.
Физически и нравственно силён,
Гордынею князь не был обделён,
Но нрав горячий он смирять умел,
Умел не думать о сиюминутном,
Он жил грядущим, пусть довольно смутным,
О временном и мелком не жалел.
Князя Руси слабеющих уделов
Далёкой пред собой не зрили цели,
Они и хватки должной не имели
Сплотить народ вокруг починов смелых,
Явить свою незыблемую волю,
Зреть будущее далее и боле.
Жил Александр, – они своим аршином
Пытались мерить все его дела,
Но смерть его к таким взнесла вершинам,

Откуда жизнь убога и мала
Теперь казалась.

Мелочность и бренность
Их притязаний стала им в укор,
Как и пустая глупая надменность,
Ничтожность их интриг, обид и ссор.
И многие вдруг осознали это
Как знак великой важности момента.
Князь умер – солнце пало с небосвода,
Но день святой и горький погребенья
Духовное подвигнул становленье,
Подъём самосознания народа.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
ОЛЬГА

Поэма

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА

Поэма

*«Я с вами во все дни до
скончания века. Аминь»
Евангелие от Матфея гл. 28*

*«...отныне блаженны мертвые,
умирающие в Господе; ей, говорит Дух,
они успокоятся от трудов своих,
и дела их идут вслед за ними»
Апокалипсис, гл. 14*

Псков. На Крому¹

Пролог

Будь сто веков благополучен,
Мой град, судьбы моей исток!
Ты с детства витязем могучим
Казался мне, и нем и строг.
В далёкой юности, бывало,
Туманным неуютным днём
Я долго в городе гуляла,
Мне всюду мнились тайны в нём.
Бульжник старых Псковских улиц,
Плитняк соборов и палат –
Безмолвен камень, потому ли,
Что знает весь мирской уклад?
Кром дремлет. Между стен и башен
Шум, голоса приглушены,

¹ Кром – высокое укреплённое место (Кремль) средневекового города.

Здесь часто дождь кропит тишайший
Резные листья бузины.
Струй шелест – будто глас смиренный.
Щекой приникла я к стене,
Казалось, доверяя мне,
Поведал город мой почтенный
О тайнах сумрачных эпох,
Где нет сиянья в слове «Бог»,
О становленьи и борьбе,
О славной Ольгиной судьбе.
Молва пережила княгиню,
Но что тут было, что небыль ныне,
Когда сто минуло веков?
Зато есть повод для стихов,
Где правда в вымысел поэта,
Как нить в ушко иглы, продета...

1. Старая княгиня

Холодный, светлый день осенний
Уже к закату солнце нёс,
Гоня облачные тени,
Мял травы ветер, словно пёс.
На берег, где у ног катила
Свинец днепровская вода,
Седая женщина всходила,
Нетороплива и горда.
Не то чтоб в княжьем облаченье,
Скорей в размеренных шагах,

В едва заметном плеч движенье,
В увитых жилами руках
Читалось воли превосходство.
Вещала клинопись морщин
О разуме и благородстве,
Что мнятся в слове «господин».
Она взошла на холм устало
(Ходьба давалась ей с трудом).
Поодаль свита поджидала.
Княгине стоило перстом
Чуть повести – скамью, меха ли,
Платок ли, хлеба и вина
Ей тотчас на берег подали б.
Но зачарованно она
Во временной блуждает дали,
И нет во взоре – видит Бог –
Ни сожалений, ни печали.
Бесстрастен лик её и строг.
Но вот, уставшая княгиня,
Чуть голову поворотя,
Манит, и верная рабыня –
Сей миг у Ольгина локтя.
– Малуша, – подалась к ней Ольга. –
Нет, ничего. Домой пойдём.

И молча шла. Спросила только,
оставшись в горнице вдвоём:

– Зачем ты служишь мне, древлянка²,
чураясь чести и даров?

² Малуша, ключница княгини, была из радимичей.

– Ты знаешь, – молвила служанка,
поправив госпоже покров. –
Со дня, как не погибла в поле,
я здесь, послушная судьбе.
– О нет, голубка, Божьей воле.
Я это знаю по себе.

2. Встреча

Откуда – ни слуге не знать, ни князю –
Нагрянет то, что все зовут судьбой:
В пути догонит, встретит на пороге,
Метнётся ли, как зверь, наперерез?
А может, в той бокастой плоскодонке
Подчаливает к скошенным мосткам
И князя озирает без смущенья:
Приветливо, а словно бы поверх?
«Ох, я ж тебя, красава, заломаю», –
Подумал Игорь, в лодку заступив
И бросив лис убитых деве в ноги.
– Перевези, – велел, а на воде
запястья стиснул юной незнакомке.
Та на него без робости глядит:
– Коль господин, так воля твоя свята –
возьмёшь меня, но мёртвой, из реки.
И подалась за качкый борт лодчонки,
Но вдруг раздумав, села на скамью:
– Да ты не князь.
– Почто? – Он глаз сощурил.–

Не вышел ликом, платье не по мне?
Мнишь, тать презренный лис набил украдом
во княжеских ловищах. Донеси –
на Выбутах³ у вас стоят варяги.

Ответ селянки молодца смутил:
– Не тот властитель, кто губил, желая,
а тот, кто, и желая, не сгубил.
Не тот хозяин, чьи леса и реки,
а кто хозяин самому себе.

На том и лодка ткнулась носом в берег,
князь ветерком взбежал на косогор.
– Как звать тебя, мудрёна? – молвит.
– Ольгой.
– Сватов внедолге, Ольга, поджидай.

Отважная селянка из-под Пскова
Княгиней стала Киевской Руси.
Когда б рассказ на этом был закончен,
Его вообще не стоило писать.

.....

Судьбы дороги неисповедимы.
О, если б знать, откуда что грядёт...
Едва вспомнят князя вместе с Ольгой,
Её поднесь же помнят без него.

³ *Выбуты* – поселение недалеко от Пскова, родина княгини Ольги. Ближние к нему леса были княжескими ловищами – местами охоты Киевских князей. Варяги составляли дружину молодого князя Игоря.

3. Смерть князя. Гибель древлянских посольств

В два дня домчались к Киеву древляне,
Подстёгивая вороных коней
Черней хвоста сорочьего вестями,
Ненастной ночи жутче и мрачней:
– Мы на полюдьё Игоря убили⁴,
А Ольгу Малу⁵ нашему хотим.

И гости в ожидании застыли,
Но лучше в пепел превратиться им.
Ах, горюшко, змеиное ты жало;
Отравлено княгинино житьё.
– Наш князь-то люб? – посольство вопрошало,
А лучше бы кричало вороньё.
Как мало слов. Как много изменилось.
В единый миг судьба поворотилась.
Окаменели Ольгин ясный лик
И сердце, и невырвавшийся крик.
Гортань, реченья глухо исторгая,
Её почти не слушалась теперь:
– Решенья пусть до завтра ожидают.
Подите все и затворите дверь.

О, как окаменелыми губами
Непросто даже слово произнести,

⁴ Древляне привязали князя Игоря к двум пригнутым берёзам и разорвали. Полюдьё – сбор дани.

⁵ Первое древлянское посольство прибыло в Киев не только, чтоб сообщить Ольге об убийстве мужа, но и посватать её за князя Мала, данника Киева.

Но и у госпожи над племенами
Есть высший повелитель – княжья честь,
И путь один положен ей отныне –
Отмщенье ради чада своего⁶,
Сыновьей княжей гордости во имя
Отринув чувства все до одного.
И повелела Ольга горожанам
На площади копать глубокий ров,
А чтоб к утру он напился жаром,
Прожечь в нём больше хворосту и дров.
Наутро все посольские древляне
Нашли во рву мучительную смерть.
Но этим, гомонили киевляне,
Навряд ли утолится княжья месть.

Второе тоже сгнуло посольство⁷;
Давно древлянам не было вестей.
Но Мал средь явных выгод жениховства
Не прозревал княгининых затей.
Среди людей, однако, расходилась
Тревога, будто волны по воде,
Народ не верил в киевскую милость:
Всё тихо – это значит, быть беде.
Но вот и весть, что ждали и не ждали:
С Днепровских берегов в Искоростень⁸

⁶ Единственный сын Игоря и Ольги – Святослав.

⁷ Второе посольство древлян по приказу княгини было сожжено в бане, куда обманным радушием и посулами заманили знатных сватов Мала по приказу Ольги.

⁸ *Искоростень* – столица древлян.

Грядёт обоз через лесные дали
С невестою.

Но долг велит ей день
На месте смерти мужа задержаться,
Почтить в бесчестье опочивший прах
Да тризною великой оправдаться
За пыл любовный и за новый брак.
Мал воинов к ней выслал подначальных
Навстречу пятитысячный отряд
С тяжёлой ношей мёдов поминальных,
Чтоб щедрым поминальный был обряд.

4. На могиле князя Игоря

Всё кончено. В тумане предрассветном
Тела, тела да липкая трава.
И тихо так, как будто в мире этом
Одна княгиня только и жива.
Пять тысяч полегли...

Ходила Ольга

Меж убиенных, мертвенно бледна,
В иные лица вглядываясь долго,
Раздумьями была поглощена.
Кругом всё трупы. Ратник вон, парнишка
Лежит, что спит вольготно среди мхов.
Сын Ольгин, Святослав велик не слишком,
Тож будет воин через пять годков.
Невольно княжич к матери метнулся:

Среди недвижных скорчившихся тел
Костлявой скорбной тенью куст качнулся.
Как прост и страшен воина удел!
Вот он, итог отпущенных ей суток.
(О, Мал, пославший столькох на убой!)
Обман удался. Лишь на сердце смута
И лада у княгини нет с собой...
Всходило солнце ничему не радо.
Лучи и кровь резни в одно слились.
По диким тропам киевлян отряды
К Искоростеню змеями вились.

5. Переговоры

О, как порой жестока очевидность:
И надо б верить, да не вмоготу.
Скорей уменьем ратным, чем воочью
Дозор почуял: ближние лески
Наполнились движеньем, загустели
Войсками, будто варево крупой.
Искоростенцы заперли ворота,
Готовясь не сдаваться без борьбы.
Когда дружинник Малу на рассвете
Тревожно обстановку доложил,
Мол, киевляне город осадили,
И веет вовсе тут не сватовством,
Князь разумом прозрел, но что до сердца –
Тому хотелось брака хоть умри.

(Смерть, впрочем, угрожала и без свадьбы,
Навряд ли предстояло выбирать).
На стенах крепостных народ собрался,
В предчувствиях недобрых вдаль глядел:
Из тени леса выехали трое,
К Искоростеню полетели вскачь,
Над ними белый стяг, как птица, бился.
Искоростень не отворил ворот-
Народ не верил в замиренье с Ольгой.
Но кто бы жизни детям не хотел?
В молчанье хмуром княжескому слову
Внимал древлянский осаждённый град:
– Уж отомстила. Уведу на Киев
Войска, лишь дань за мужа получу.
– По правде молвить, и платить-то нечем...
– Ой ли? Ни воробья, ни голубка?
Возьму всего по птице с домочадца,
Но только чтоб сегодня, не позднее.
Как не поверить в то, что любо слышать?
Сумела Ольга город убедить.
Искоростенцы наскоро собрали
Крылатую воркующую дань.

6. Гибель Искоростеня

О, птицы, птицы, кроткие создання,
Не прозревают человечесьих дум,
Темны для них законы кровной мести,
Товарищества, чести и вражды.
Но тлеет трут, привязан к птичьим лапкам
Княгиниными воями, тревожа
Вины своей не ведающих птах,
Мучительную предвещая гибель.
В родные гнёзда птахи устремились –
Туда, где переможется беда
И умалится боль. Но малой искре
Там тоже есть чем силы напитать
И стать всепожирающим пожаром.
Как зверь, он поднял лапы, лют и слеп,
Виновных нет ему и нет безвинных,
Всё – пища. Всем – погибель. И народ
Бежал, снеся ворота городские,
Но киевский был наготове меч,
Разивший всех, кто спасся из пожара,
Не разбирая лиц и возрастов.
Поодаль Ольга с княжичем и свитой
Окружно проезжали на конях.
Гнедой отпрянул: у его копыта
Под месивом травяно-земляным
Ком плоти, обнажась, зашевелился;
Испуганные детские глаза

Смотрели в грудь коню, и отползала,
Трясущейся ручонкой заслонясь,
Девчушка, не зарубленная воем,
Забытая в кровавой толкотне.
В очах ребячьих увидала Ольга
Глаза недолго живших дочерей,
Которых ей не довелось лелеять⁹,
И княжича тревожные глаза,
И было что-то в них ещё такое –
Не от земли, не от людей. Вдова
Малышку на коня к себе сажает
И чувствует тепло её и дрожь.
Молчит княгиня, на пожар не смотрит,
А город будто скорчился и лёг.
Вот-вот с дымами в небо воскурятся
Последний стон и боль последних мук.
Глядеть на то нет надобы и силы.
На Киев бы пора поворотить.
И как рога чудовищной улитки,
Втянулись в лес отряды киевлян.
Неспешно едут, ветви отклоняют.
Молчание угрюмое прервав,
Спросила Ольга имя у найдёнки.
– Малуша, – та ответила, шепча.
– Малуша, – эхом повторила Ольга
и после горько усмехнулась: – Мал...

⁹ Ольгины новорождённые дети умирали во младенчестве..

7. Мал

Непостижимо женское коварство.
Будь проклята, любимая моя.
В твоих объятьях мнил себе я царство, –
Ты жизнь и честь украла у меня.
Древляне гибли в муках и обиде,
Я с ними только умереть и смог.
Народ меня, наверно, ненавидел.
Из всех богов – любви лютейший бог.
О, женских чар обманчивое иго:
Любовью называл я злую месть.
Не всё ль равно, князь Мал я или Игорь?
Бесславная нас уравнила смерть.
И умерший, народом проклинаям,
Из памяти глубин взываю я,
Кто оболещён, отринут, презираем:
Будь проклята, любимая моя.

8. Святослав

Я вырос для войны, я – воин, воин,
И сеча мне сподручней, чем суды,
Погосты, дань, налоги. Я спокоен,
Когда от этой волен маяты.
Пусть это всё пребудет в попеченье
Великомудрой матери моей.
Поменьше б только ластились с ученьем

Магометанин, хитрый иудей.
И льнут и льют устами сладко мёды
(Мню, лести много, а корысть одна),
Всяк к сердцу госпожи торит подходы,
Да Ольга к легковерью не склонна.
По мне, держава та непобедима,
Где воинским успехам счёту нет,
В слитой дружине сила господина,
Почёт и долговластия секрет.
Я верю в то, во что и воин в сече,
Бог ратников – и князю божество.
Изранит враг – Малуша всё залечит,
Есть конь да меч – и будет таково.

9. Малуша

Я прикипаю к Ольге больше, больше,
Хотя питать бы ненависть должна.
Суровости её броня всё тоньше,
Всё ближе и роднее мне она.
Не звать мне Ольгу матерью своею,
Но скорбь любую за неё стерплю.
Княгиня смотрит на меня теплее,
Когда я Святославича¹⁰ кормлю.
Я с госпожой своею на полюдые,

¹⁰ Малуша была сослана княгиней Ольгой в Будутину Вель (близ Пскова), где и появился на свет бастард Володимир, будущий Владимир Креститель, великий князь Киевской Руси.

На межеваньях спорщиков-князей.
У кривичей, полян, у меря, чуди
Я следую, как ниточка, за ней.
Служу, в затеи Ольги не вникая,
В каких погостах¹¹ с ней ни появлюсь,
К княгине – вижу, – также прикипает
Разрозненная родовая Русь.
Вон данники: всё с честью да поклоном,
С руки княгини разве что не пьют,
Суды чинят не силой, а законом,
Крови в междоусобицах не льют¹².
Но счётов у неё с собой – не на год,
И с совестливым сердцем nelaды;
Как видно, отпущенья вин и тягот
Ей не дают державные труды.
Где взять ей мира в сердце, у кого же?
Перун одобрил ей лихую месть,
А искупленья даровать не может.
Но чувствую, надежда всё же есть:
В часу, когда растает день-кормилец
В прозрачной постепенной темноте,
К нам тихо входит инок византиец
Повествовать смиренно о Христе,

¹¹ Гостевые избы, где останавливались князь и знать, а также территории – единицы административного государственного устройства, впервые установленного княгиней Ольгой на подвластных землях.

¹² За многолетнее правление Ольги (ок. 60 лет?) на Руси не случилось ни одного вооружённого междоусобного конфликта.

Как в знойных землях кроткий Назарянин,
Презрев обильный хлеб, просторный кров,
Благое слово правды нёс мирянам,
Он сам был – свет и правда, и любовь,
О Матушке небесной, Всецарице,
Кто милостью не минет никого,
О том, как полегли каппадокийцы¹³,
Являя смертью веры торжество.

10. Византия

Угрюмый Понт был к людям благосклонен,
Как бусины, с ладони на ладонь
Пересыпал ладьи славян и руссов,
Лопатой ветра в спину подгребал.
И виделись надоблачному оку
Они змеёй в безжизненных песках,
Стремящейся к ещё незримой цели.
Стрела пути вела людей в Царьград,
Но больше знал Небесный Наблюдатель:
Цель каждого – в себе, земных дорог
К ней нет.

Но Русь желала Византии.
Вот горизонт стал тёмн и волнист:
Надменный город выплыл из тумана,
Рассыпался широко по холмам.
И свысока на русичей возрился

¹³ Речь идёт о сорока святых воинах – каппадокийцах, принявших мученическую смерть во имя православной веры.

Вскормлённый золотом Константинов двор.
Искать в нём дружбы – княжеское ль дело?
Святого покровительства Христа
Единственно княгиня Ольга алчет.
О том и речи долгие ведёт,
Всем сердцем веру обрести желая.
За словом слово – чистый острый ум
И женская, и царственная гордость
Затмили образ диких тех краёв,
Откуда гостя русская явилась.
Беседами с княгинею пленён,
Царьградский властелин Багрянородный¹⁴
Не только крёстным Ольги стать готов.
Придворные шипят в углах дворцовых:
– Он ей себя в супруги предложил.
И то была воды чистейшей правда,
Скрывать её не думал господин.
– Мне должно быть одной с тобою веры», –
промолвила княгиня.

(Мал кусок,

Вскормить способный страстную надежду).
Внедолге киевлянку окрестив,
Ждал Константин и брачного согласия.
Ответ был Ольгин на вопрос похож:
– Ты – отче крёстный мой, а разве может

¹⁴ Императоры Византии появлялись на свет в специальных покоях, обитых красной тканью – символом власти и могущества, оттого именовались Багрянородными. В данном случае речь идёт о Константине Багрянородном, крёстном отце княгини Ольги.

Отец быть мужем дочери своей?

Быстрее птиц уносятся надежды.
Казалось, в Константиновой руке
Бьёт крыльями, трепещет птица счастья,
Да вот поди ж ты... Властелин не мог
Прогневаться на киевскую гостью,
И на обратный путь благословил.

Не чая берегов, ладья княгиню,
Вздымая нос, несёт домой на Русь.
Безмерный Понт – как сумрачная Лета,
Влекущая в неведомую даль,
В туманную грядущую Россию
С суровыми чертами образов,
С большими коренастыми церквами,
Что как душа народа, как судьба,
Как иноки, святые страсотерпцы,
Как витязи – защитники страны.

Владимир. Эпилог

Княгиня, взяв Малуши руку,
Сидит недвижно, будто спит,
Растущему внимая звуку,
Что за стеной с утра царит.
Дверь распахнулась, и вбегают
Мальчишки – внуки мал-мала,

В игру какую-то играют
И не выказывают зла.
Шумят, смеются. Ольга, веки
Подняв, следит за детворой:
Сколь жизни в малом человеке!
Особенно вон тот, второй
По росту, сын её Малуши
И Святослава¹⁵, белокур,
В любой игре, в ученье лучший
И ликом никогда не хмур –
Владимир, Солнышко...

Средь думок

Смежила бабушка глаза.
Шум отдалился, дрёмы сумрак,
Сну уступая, раздался.
Толпа приснилась, в центре – двое:
мужи.

И слышит их она:

– Проститься мы пришли с тобою,
И ты, княгиня, прощена.

Виденья в краткий миг не стало,
Всё поглотил туманный вал,
Но Ольга тех мужей узнала.
То Игорь-князь, а рядом – Мал.
Прощенье – вот к чему подспудно
Душа стремилась столько лет,
И с ним покинуть мир нетрудно,

¹⁵ Незаконнорожденный Владимир не имел шансов занять Киевский стол.

Уйти в небесный тихий свет.
Пусть вечность сковывает вежды,
Но о Руси печали нет:
Владимир – вот её надежда –
Поднимет православный крест.
Во внуке Ольгином смешалась
Кровь бывших недругов-племён, –
Грядущее Руси, казалось,
Молило, чтоб он был рождён.

Молитва

Ещё не ясно смысл осознавая,
А только ощущая силу слов,
Душою всей до капли ощущаю,
Что есть для нас Вселенская любовь.
Кто первый услышал в себе молитву,
И кто в словах её запечатлел?
С ней на устах шёл человек на битву,
С ней горемык и странников жалел...
Её напевность, будто рек разливы,
Нам омывают души, бытиё.
Свет есть во всём, что создано с молитвой,
Темны деянья наши без неё.
От Ольги принимая Божье слово,
Русь долго по нему училась жить,
Вела к Софии¹⁶ чад своих крестить

¹⁶ Софийский собор в Киеве – жемчужина древнерусского зодчества.

И припадала к образам Рублёва.
Быть может, тихим иноческим словом
Библейские княгине чудеса
Открыли мир в незримом свете новом,
Душевные отверзли очеса.
И былль о сорока каппадокийцах
Руси разноплемённой – точно луч:
Когда бы верой истинной сплотиться¹⁷ –
Народ родится, стоек и могуч,
Кому не в страх ни битвы, ни лишенья,
Ни странствия в иные берега,
Кто никнет перед Господом в смиренье
И гневно меч подьёмлет на врага.

¹⁷ Православная вера сыграла главную роль в становлении русского народа.

ИГУМЕНЬЯ

Поэма

ИГУМЕНЬЯ

Поэма

О княжне Феодулии, несостоявшейся невесте княжича Феодора (старшего брата Александра Невского) в трудах известных историков найдётся всего несколько предложений. Но так как о большинстве землян в истории не остаётся ни строки, судьба Феодулии мне показалась интересной.

В мою задачу не входило описание деталей жизни этой женщины. Я попыталась как бы изнутри представить человека, достойно принявшего личные и народные невзгоды. С каким душевным наполнением возможно отказаться от радостей жизни, строить и сражаться, перевязывать раны и возрождать русскую красоту во имя Господне?

Думаю, это должен быть человек, который не видит подвига в том, что свершает. Он так живёт: делает то, что нужнее всего в каждую данную минуту. Жизнь для такого человека на земле не заканчивается и не начинается небесная, но небесная является естественным продолжением земной.

Она всегда всех раньше просыпалась,
Теперь всё чаще вовсе не спала, –
Любила те немногие часы
Тишайшие, меж вечером и утром,
За полное своё уединенье.
Была моложе – истово молилась,
Минувший строго разбирала день.
Теперь вела безмолвную беседу
Не то с собой, не то с самим Творцом.
Пред Господом она не знала страха,
Не сетуя на долю, не скорбя
И помыслов лукавых не имея.
Она Ему служила из любви,
Себя ни в чём, ни капли не жалея,
Не зная, что ещё не отдала
Во славу и величие Господне.
Она, с немалым веком за плечами,
Его своим не видела судьёй,
Но – пастырем, учителем предвечным.
В её случались жизни времена,
Когда она о Нём не вспоминала,
И не искала ни вокруг, ни выше –
Он душу заполнял её всецело;
Надежды на Него и на себя,
В ней не могли существовать отдельно.
Какие это были времена?

Сродни самой, пожалуй, преисподней.
Игуменя об этом не расскажет;
Господь – свидетель, хватит и того.
Душа её, бездонней океана
Воспоминанья от себя самой
Укрыла, как потопленный ковчег.

Что помнила она? И дым, и чад.
Земля кругом – громадное горнило,
Где жарко людям и самим снегам
Наперекор декабрьским крепким стужам.
Ни холода, ни устали, ни боли, –
Никто тогда не помнил, недосуг:
Монголов тьмы по краю горизонта
Как будто выростали из земли
И вал за валом к монастырским стенам
Лавиной нескончаемой неслись.
Нужны всё чаще кипятки и камни,
Стрел очень скоро стало не хватать,
Самих оборонявшихся всё меньше:
Черница там осела по стене,
Здесь на спину откинулся селянин,
И, стужею объята, коченели...
Игуменя забыла о себе,
Но, чуть опоминаясь, находила
Среди оборонявшихся себя
Бросающей, несущей, подающей.

Ей хитрости военные чужды,
И, происков врагов не разбирая,
Она сражалась, как могла, и знала,
Что только это главное сейчас,
Бесхитростно порою удивляясь,
Что монастырь врагом ещё не взят.
На осторожность в мешанине дел
Единого лишь мига не достало:
Она качнулась, стали тяжелы
Свои ей руки, очи помутились;
Последнее, что видела – пожар
Валил, гудя, закручивая пламя.

От стужи ли она пришла в себя
Иль оттого, что жгло нещадно руку,
Иль от гнетущей, мёртвой тишины...
Одежда на боку корой примёрзла,
Плечо прожгла до кости головня.
Дымились и померкивали угли.
Вороний хриплый одинокий вскрик
Ей без обиняков поведал правду:
Ушли монголы, храмы разорили,
Сколь полегло людей – сама гляди.
Игуменья попробовала встать
И медленно пошла по пепелищу,
Прислушиваясь чутко к тишине.
Заботливо и зорко в небесах

За ней следило пристальное солнце.
Оно, казалось, было сам Господь,
Её шаги тихонько направлявший,
Как мать, дитя учившая ходить.
За ласку света, день и даже боль
Игуменя Его благодарила,
Ведь на Него надеялась, как все,
А получила несравненно больше:
Осталась жить, так быть ей, кем была –
Орудием благой Всевышней воли.
И вот уже ей снова не до боли:
Прерывисто, невнятно доносился
Из-под руины стон полуживой...
А дальше... Дальше всё на свете было.
Она себя и раненых лечила;
Сходились к пепелищу одиночки,
Кто как-то дивным случаем спасён.
Искали скудной пищи и приюта,
Ночами согревались у костров.
И строились, и снова обживались.

Её любимый монастырский сад –
Сегодняшняя гордость и отрада –
От прутика-побега в два листка
Взращён её костистыми руками,
И каждую его земли щепоть
Игуменя держала на ладони.

Благоухали розы и пионы,
Боярышник, калина в свой черёд,
И засыпали вишни каждый год
Ей в мае лепестками подоконник.
Высокие и статные соборы,
Хрустальный перелив колоколов, –
Всё это ей как будто в удивленье,
Как будто не отрадный плод её
Великого насадного раденья.
Она так и ответила б теперь –
Нет, не её. Но с Божьим руководством
Всем миром возрождали благодать...

В июне ночь короткая, не ночь,
А лёгкое предчувствие рассвета,
И год от года всё дороже это,
Задумчивость сложнее превозмочь
И с памятью закончить разговор.
Она о многом не хотела помнить,
Чтоб ненароком боль не разбудить,
Но сердце не давало забывать
Покинутые радости земные
И день, когда для главного призванья
Она их оставляла навсегда.
Но разве мир ты выбросишь из сердца,
И кто способен вынуть из души
Отца и мать, восторженное детство,

Родился ли под солнцем человек
С такой душой и был угоден небу?..
Давным-давно утраченные годы,
Не бывшие как будто никогда,
Пред памятью игуменьи предстали,
Не возмущая зеркала души..
Во всём ей с детства мнился Божий свет,
Во всём она Его видала благо:
В родителях и ближних домочадцах,
В цветах и звёздах, лете и зиме;
Он был в реке, лугах, грозе июльской,
В лампы немигающем огне,
В сурово скорбных ликах на иконах.
От праздничного пения в церквях
Её сердечко дрожко заходило:
Уж если твердь земная так красна,
То как же лепо в занебесных высях!..
В слезах, бывало, долго перед сном
Она в самозабвении молилась,
Благодаря Его за каждый миг.

Ах, время быстро в радости течёт;
Ей объявили, что она – невеста,
Украдкой показали жениха.
Молоденький, пригожий, чуть не отрок,
От робости неловок и румян.
Она тогда не в шутку испугалась

Своей ещё неведомой судьбы,
Заступничества трепетно просила:
Пусть ласков будет муж и деловит,
Ей норовом отца напоминает
И дарит снисходительно заботой.
Но общей им не выпало судьбы.
Едва обвыкшись в мысли, что невеста,
Она до свадьбы сделалась вдовой.
Весь день она безмолвно у окна
Сидела и невидяще смотрела,
Не вопрошая небо ни о чём;
Так, значит, надо, такова планида,
Господню волю не дано постичь.
О женихе она погоревала,
Но лёгкою была её печаль:
Призваться ли к вратам небесным худо?
Куда сложней юнице осознать,
Постигнуть меру собственной потери,
Когда и знаешь всё, о чём жалеть,
Но сам себе сочувствовать не можешь...
Потом погиб второй жених. Она
Уже свой жребий ясно сознавала,
Желая страстно Богу послужить
Монашеским раденьем неусыпным.
Мать плакала, упрашивал отец
Повременить, но видел, что напрасно.
А дочь не понимала их печаль,

Ведь где б ни жить, а все ты служишь Богу.
Должны были пройти года, и много,
Чтоб, наконец, родителей понять.
Но полно, будь погребены песком
И станут пусть песком воспоминанья:
Душа теперь земное отпускает,
К небесному готовясь налегке...

Перед рассветом дымка поредела,
Погожий людям предвещая день,
Да вот и птица первая запела,
И через час начнёт светлеть восток.
О, этот час – великий дар и чудо,
Он всё ещё игуменье дарован.
Вот-вот подвигнут первые лучи
Игуменьи плоды трудов земные
Сиять и звоны бодро изливать.
Но старческое сердце неужели
Не испытает гордости за них?
Всё сущее вызывает к ней – смотри:
Колокола, и храмы, и сады
Молитвами твоими и руками
Воссозданы и служат, и живут,
Любуйся же возвышенной красотой.
Но сердце на призыв не отвечает,
Оно давно с отрадой ощущает,
Что всё земное больше не её,

Стал к горним весям путь совсем коротким.
Малиновый затеплился рассвет
И небеса как будто отверзает, –
Так вот они, заветные врата!
Осталось только сделать шаг единый,
И в тот же миг своей рабе Господь
Откроет правду безграничной жизни,
Хотя во всём Он дал уже понять,
Что правда та игуменье известна.

ПСКОВ

В застенье Пскова на Крому
Неслышной тенью ходит время,
И плиты тёсаного кремня
Внимают сумрачно ему.
Над ними, светел и спокоен,
Из облаков как будто скроен,
Крестами осенив простор,
Вознёся Троицкий собор.
Касаясь неба куполами,
Степенный, гордый исполин
Царит над городом веками,
Людьми и Господом храним.

Ведёт полночная дорога
До Пскова прямо и полого;
Над морем трепетных лесов
Собор, и светел, и суров,
Далёко виден. Чуть мираж,
Почти игра воображенья,
Парит, как вышнее виденье,
Как неподкупный Божий страж.

Любила я ходить на Кром,
Гуляла, думала о том,
Что знают башни, помнят стены,
О чём могла бы рассказать

Под колокольный рокот мерный
Земли вокруг любая пядь.

О, здесь, в пластах воспоминаний
Средь сотен лет, событий, лиц
Хранится август стародавний
В тревожных сполохах зарниц,
Когда привёл войска на сечу
Король, не знавший польской речи,
Под русский щит, под город Псков,
Раскинув лагерь над рекою,
Он любовался красотою
Священных псковских куполов¹.

Незадолго до нападения
Явилось городу знаменье²:
Неся на царственных плечах
Покров волнистый и широкий,
Меж звёзд сходила к псковичам
Кротка, чиста, голубоока
Сама Небесная Царица.
Крестился на Крому народ:
Неужто бедствие грядёт?

¹ Стефан Баторий, польский король, венгр по происхождению, знавший несколько европейских языков, не владел польским, разговаривал с подданными на латыни. Баторий осадил Псков в 1581 г. Поляки были поражены величиной города, мощью и красотой его укреплений, сравнивали с Парижем.

² Пресвятая Богородица явилась иноку Покровского монастыря и обещаю городу покров, т.е. заступничество. Узнав об этом, псковичи совершили крестный ход и молебен у места явления.

И крестный ход до первой птицы
Тек многолюдной вереницей
Вокруг собора, меж дворов
В неровных сполохах костров,
С несокрушимой верой в слово
Прося небесного покрова.

Псков принял каменою грудью
Наутро шляхтичей обстрел:
Крошились плиты, гибли люди,
Посад со всех сторон горел.
По кладке крепостной могучей,
В чаду от взрывов и в пыли,
Поляки муравьиной тучей
Наверх к бойницам поползли...
Пошла атака за атакой,
И не один истлел закат,
День – не один – застлался мраком,
А город был ещё не взят.
Глядят мужи защиты псковской:
Поодаль боя вражья рать
У башни копится Покровской,
Грозя ворота подорвать.
Взорвали, вклинились в пролом,
Как адский молот или лом,
И вновь не взяли!
Скрежеща,
Вспять откатилась вражья сила,

С усталой злобою ропща,
К утру железный зуб точила.
Увы. Напрасно он оскален:
Пролом к рассвету был завален,
Но с пущим рвением вражий рой
Готов на штурм, на новый бой.
За ним измор осадный начат,
Но нет и здесь врагам удачи.
Сколь тщился шляхтич величавый,
Он на Руси не добыл славы
И к февралю оставил Псков,
Святой не одолев покров.

У русских что ни подвиг – храм,
Им каждый важный шаг отмечен,
И мир, и бой увековечен,
И как урок оставлен нам.
Былое... В нём на всё ответ –
Не только кости да могилы.
Оно – источник вечной силы,
Источник праведных побед
И ясный будущего свет.

ПРАВЕДНИК

На горизонте брезжит тусклый свет,
Во всю готовый мощь вот-вот разлиться
И напитать собою всё окрест,
И в жар полдневный вскоре превратиться.
Пока он робко льётся на простор:
На склоны верениц покатых гор,
Изрезанных ветвистыми браздами –
Дождей, снегов ли вечными следами,
В белесоватых гибких лентах троп
Овечьих стад и человеческих стоп,
Обвалы, валунов нагроможденья,
В низинах узких бедные селенья.
Повсюду проясняются картины
Земли священной, древней Палестины,
Что вечным словом некогда воспета
И Ветхого и Нового Завета.

Хулой крестьяне одного селенья
Испытывали Божие терпенье.
К ним долго был великодушен Бог,
А всё же больше вынести не мог
И вот замыслил, гневен и велик,
Безумьем сельский напитать родник.

Один бедняк, что честь берёт свою,
Убогое жилище и семью,

Жил просто, смирно, пусть и небогато,
И скромное его кормило стадо.
Имел он мало, а считал, что много,
За то превознося в молитвах Бога.
Всевышний, как бы ни был удручён,
Не притеснит невинного ни в чём,
А потому, лишь только день угас,
К смиреннику воззвал заветный глас.
«Вода в потоке на краю селенья
Повергнет разум в тьму самозабвенья,
И быть тому в отплату за грехи,
Но ты смотри, не пей из той реки», –
Велел Господь, и кроткий человек
Всю ночь не мог смежить усталых век,
Молитвы бормотал во мраке душном
И обещал быть Господу послушным.

Когда долин коснулся первый свет,
Всевышнего исполнился завет.
Пастух ли, жница, плотник, стар и мал
Себя собой уже не создавал,
Не стало ни старейшин, ни отцов –
Толпа одних беспомощных глупцов.
Остался среди них благословенный
В своём уме лишь праведник смиренный.
Ему бы важным сделаться лицом,
Да стал народ трунить над мудрецом,
Свершения его иль начинанья

Подвергнуто бывало осмеянью.
За то, как жил, чего от жизни ждал,
В соседях он презренье возбуждал;
Знав Божью, он не знал людскую милость...

Но вдруг на новый лад ему открылась
История его неожиданных зол:
«Что если это я с ума сошёл,
И рокового Божия решенья
Я истинного не открыл значенья?»
Он пас овец от хижины вдали,
Когда к нему сомнения пришли.
Бродя по скудным пастбищам отрогов,
Мудрец безмолвно обратился к Богу:
«Границы нет у мудрости Твоей,
Смелы и велики Твои затеи!
Прости, что я, ничтожный из людей,
Твой раб, твой червь понять их не умею.
Возмездие Твоё совершено, –
Ты прав и волен в этом, без сомненья,
Но осознать безумным не дано
Ни горя их, ни жажды искупленья!
Не ведают они большой душой,
Что множат грех и без того большой.
Так неужели волею Господней
Гореть им после смерти в преисподней?
Услышь мою взволнованную речь:
Хотел бы я, но мне не оберечь,

Не отмолить безумных земляков, –
Зачем тогда и сам я не таков?»

Он бросился к селенью, на родник,
И к струям обжигающим приник,
И осыпая брызгами лежал
Всю ночь на влажном щебне между скал.

Но вот едва взошедшее светило
Слой плоских облаков позолотило.
Бог спящего узрел у родника,
Согрел его и осветил слегка.
Быть может, в этот миг, в сырой долине,
Впервые Он задумался о Сыне...

РОДНИК НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

В местах отцовских, коренных,
Рождённый меж пород земных
Кристалльной чистоты родник
На склоне кремнистом возник
В ветхозаветные лета.
Пониже бьющего истока,
В низинке круглой, неглубокой
Скопилась стылая вода.
Поставлен сруб над той купелью
И ковш подвешен жестяной,
И не приходят в час безделья
Сюда компанией честной.
Берёт здесь воду сельский житель,
Монах, влекущийся в обитель,
Паломник кроткий и турист.
Родник прохладен, бодр и чист
В ажурной сетке волн, – таким
Он мною с детских лет любим...

И был родник в глуши степенной
Не знаем шумною вселенной,
Он безмятежно воды мчал
Щебнистой к озеру дорогой
И нас как будто приобщал
Лепечущей волною к Богу.

Но время тихое прошло,
Мой мир уже не узнаваем;
Явилось древнее село
Для путешественников раем,
Способных оплатить вполне
Прикосновенья к старине.
Сменили сруб над родником,
Торец украсили иконой
И разъяснительным листком,
Что он святой и чудотворный.
Пусть так! Родник и есть таков
В глубинной изначальной сути, —
Она приманкой кошельков
Служить отныне людям будет...

Я оперлась плечом на сруб,
Рукой листка касаюсь влажной;
Не явен лжи налёт, не груб,
Лишь правду делает продажной.

ИЗБОРСК

Мной что-то забыто на древней земле,
И многие годы я, каждое лето
Ищу это что-то в старинном селе,
А может быть, просто не слышу ответа...

Я здесь историей с рожденья,
Как сказкой, обворожена,
Ребёнком в церковь без смущенья
Ходила в ближнюю одна,
Глядела смирно на святых
В резных окладах золотых.

Изборский кром был мой ковчег,
Казался мне нерукотворным,
В матёрый выступ, скальный брег
Пустивший кряжистые корни.

Знакомых круч известняковых
Отвесно дыбятся пласты,
И всё, что стало быть от Слова,
Хранят слоистых толщ листы,
Меж ними вкрадчиво лепечут,
Сбегая в озеро, ключи.
Природы голос, чист и вечен,
Здесь испокон веков звучит.

Звучал...
С годами возвращенья
Иные дарят ощущенья.

Изборск год от году новей:
Вот храм побелен, дом покрашен,
И с новой кладкою камней
Заметней мощь стены и башен.
Здесь путешественников рой
Влечётся очередью звонкой
Экскурсионною тропой
По всей моей родной сторонке.

В разноголосице речей,
В потоках праздного народа
Нет уголка, где зов природы
Услышан памятью моей.
И тем нелепей правда дня:
Мне, знавшей прежнюю свободу,
Билетик должно взять у входа
В места, взрастившие меня...

На ком вина, что жизнь сложна
И в ней ничто не сокровенно?
Но жаль узнать, что есть цена
Всему, что свято и бесценно.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Ждёт ли нас великое смятенье,
Горести обрушатся ли днесь,
Но уж если будет где спасенье –
Только здесь.

Здесь уютно, благостно и тихо,
Пусть тревоги носятся, пыля,
Но к тебе не прикоснётся лихо,
Добрая земля,

Ты – мой дом. В моём покойно доме,
Чисто, словно время здесь не шло,
Солнца луч улёгся на иконе –
И светло!

Родина, смиренная, святая...
Из числа Божественных даров
Ты дана нам, как прообраз рая,
Как Его любовь.

ПОКИНУТАЯ ДЕРЕВНЯ

Три улицы на три глухих просёлка –
Полузаросших, тощих колеи.
Как долго прожила деревня, сколько
Эпох по ней промчались и прошли –
Поди узнай.

Меж пожнями полого
Одна в сосновый бор ведёт дорога,
Другие две струятся меж полей
Люпинов синих, жёлтых ячменей
В даль, в горизонт, как будто в небо прямо...
Деревня на три улицы – она
Крестом часовни ль, маленького храма,
Похоже, не была освящена,
Лишь зримой странной связью с чем-то
высшим
Горелый сруб в крапиве и без крыши
Окошками зияет у пруда,
В котором мутноватая вода,
И дряхлая над ним кренился ива.
Деревня та...

Была ль она красива –
По осени пестра и непроезжа,
Потопленная до окон в снегу
Иль с трескотнёй июльской на лугу?
Вспомнёт кто о ней печально, нежно
Теперь, когда безлюдна и светла?
Она ведь чьей-то родиной была...

КРОМ

Кром – стук,
Кром – гул,
Кром – хруст страниц
И скрип пера
В тиши с утра, –
Как изначальный звук преданья,
Тепло натруженных десниц,
С усердьем хлопотливых птиц
Умело возводивших зданья.

Кром –
Треск щепы под топором,
Раскатистый, как вешний гром,
И скрежет льдов,
И свист ветров,
Летящих ядрами в бойницы
Дозорных вечности – костров¹,
Негромкий хрип стропил шатров²,
И – звон на Светлую Седмицу.

¹ *костры* – башни Псковского Крома (кремля).

² шатровые крыши.

ЧТО ЕСТЬ ДЛЯ НАС ВСЕЛЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ

*Рецензия на рукопись Светланы Голубевой
«Образ дивный»*

Поэма историческая выделилась из наследной антично-эпической поэмы в Средневековье, когда вызревшим христианским мировоззрением Европы за личность утвердилась свобода созидания собственной судьбы. Назрело отрицание Рока-Фатума через свободу нравственного выбора – через принятие личностью ответственности за свою судьбу, за судьбу своих ближних, своих подданных, своей малой и большой родины – если, конечно, личность обладала подданными и большой родиной. Герой стал выше сюжета, средневековый герой поэмы человек не просто сместил античного героя-бога или героя-полубога, но при этом эпоейное описание макрокосмоса решительно потеснилось художественным исследованием микрокосмоса: христианская антропология из пределов культового излилась в культурное.

Дальнейшее христианское познание личности разделилось по двум всё расходящимся

магистралям – вслед за разделением Церквей на Восточно-православную и Западно-католическую, которая, после эпидемии чумы, в свою очередь выделила из себя и Западно-протестантскую. Католическая, персонифицирующая антропология латынью поддерживала античность в сознании, подмываемую романо-германской рыцарской куртуазностью, а протестантизм своим отрицанием вертикали духовной власти поствавилонским распадом литературных языков вскормил романтику национализма (и при чём тут промышленный, а, тем паче, финансовый капитализм?). Кстати, русское старообрядчество удивительно одностепенно спелось с европейскими протестантами этой вот эстетизацией этнической самости.

Не леполиныбашет, братие, начятистарымисловесы трудных повестий о пълку Игореве, Игоря Святъславлича! начати жесягъй песни по былинамъ сего времени, а не по замышлению-Бояню. Боянбовеший, аще кому хотяшеспеснь творити, то растекашетсямыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы.

Изначально, когда русская литература творилась языком, который сегодня заключён

в пределы церковных богослужений, мы были культурно самодостаточны, самовластны – «Слово о полку Игореве», «Слово о законе и благодати», «Повесть временных лет» – русская литература ну никак не моложе русской государственности. Но... Конечно же, Россия, прежде всего в её образованном классе, ещё с допетровских времён не представима вне влияния общеевропейских идейных, общеевропейских научных и культурных перемен мерил, правил и предпочтений, а уж с восемнадцатого века и декларативна несамостоятельна в оформлении своей общественной жизни. Однако, это заимствования всё внешние, например, для стихо-творений это баллада, мадригал, сонет, канцоны, а вот что с содержанием?

Александр Панарин: «Русская литература национальна по своей сути и близка народу не потому, что выпячивает какие-то этнографические черты или занимается народовосхвалением. Ее национальный характер определяется ее христианскими духовными корнями, предопределяющими ее стойкий социальный и моральный пафос».

Конечно же, мы – не рабы, рабы – не мы. И наши искусства уже триста лет вполне успешно преодолевают подражательство, творчески наполняя заимствуемые стилистиче-

ские формы оригинально русскими смыслами человека и вселенной, смыслами, нарабатываемыми православной наукой о человеке и вселенной – не их западным схоластическим богословием, а духовным опытом восточного исихазма-старчества. Ведь уникальность нашей Русской цивилизации, её самобытность, отличность от всех иных в том, что в её основе лежат сразу два языка бытовой и священный. Красота и чистота родной речи, сакральная непреложность словесных значений, душевное взаимопонимание и сочувствие писавших и читающих через столетия открываются в думанье славянским языком. Сама техника распевного церковного чтения будит генетическую память.

Да, конечно, титулы «русский Шекспир», «русский Байрон» звучали в Санкт-Петербурге и Москве похвальноискренне, но выученики иезуитов сентименталисты Карамзин и Жуковский неизбежно отжимались из центра национального литературного процесса православно-реалистическим мировоззрением взрослеющего Пушкина, зрелого Гоголя и Алексея Толстого, возбуждённые братьями Grimm и братьями Шлегель романтические националисты-славянофилы тускнели при появлении

Некрасова, Фета, Достоевского, Островского, Гончарова.

Это нужно отметить особо: талант всегда затмеваем гением, ведь гений – во вневременьи, он в любом веке, при любом политическом строе и экономической модели входит прямо в вечность, а талант навсегда завязан с поколением, с групповщиной, модой, стилем, ограничен эпохой модерна или постмодерна.

И я не оговорился: только реализм, в любых его проявлениях – просветительский, критический, мистический, классический и социалистический, способен полноценно отражать православное богословие, точнее – боговиденье, ведь только он ответственно исполняет Девятую заповедь: «Не лжесвидетельствуй». По предупреждению Игнатия Брянчанинова: «Внимающий себе должен отказаться от всякой мечтательности вообще, как бы она ни казалась приманчивою и благовидною: всякая мечтательность есть скитание ума, вне истины, в стране призраков несуществующих и невозможных осуществиться, льстящих уму и его обманывающих». Так что модные матрицы не только классицизма, но и сентиментализма, и романтизма мы заполняли трезвением ума, который есть «внимание к спасению души среди скорбей и искушений преходящего мира».

(О перманентном диссидентском отрицании реальности – о богохульстве фантастики со времён Аристофана до нынешних пост-апокалипсисов обязательно поговорим отдельно.)

Поэмы Светланы Голубевой «Александр Невский» и «Великая княгиня Ольга», хотя и задумывались автором как исторические, но вполне подходят и под определение романтических. Наличествуют все признаки поджанра: загадочность образов, оригинальные лирические отступления при сохранении общих требований к исторической поэме – Голубева использует и высокий слог в стихотворной форме, и возвышенный гражданский пафос с описанием выдающихся исторических личностей, но личностей реальных и в реальных исторических событиях.

Камертоном исторического жанра для всех веков и народов остаются панорамные произведения Гомера «Одиссея» и «Илиада», но уже наш Пушкин в своей «Полтаве» крепко смешал эпичность с лиризмом, а что уж творили Павел Васильев и Сергей Есенин!

Есть ещё одно требование к исторической поэме: привлечение, кроме исторической фактологии, фольклорных произведений, народных преданий – кроме сухих хроник для

воссоздания атмосферы необходима образная народная память, то есть, нравственная народная оценка произошедшего. Так при написании «Песни про царя Ивана Васильевича» Лермонтов просто оформил поэму в такую фольклорную форму.

Показателен зачин поэмы Голубевой «Александр Невский»:

*Гора ли ты, горушка Соколиха!
На склонах распростёршихся твоих
Стоит дружина неподвижно тихо,
И мир вокруг величественно тих.
В рост поднялись торжественные вои
В готовности к небытию и бою.
Князь и дружина, копыта их, мечи –
Все с вертикалью храмовой свечи,
Как будто статью возглашают строгой,
Что вверили себя всецело Богу –
Он милости податель, сил даритель,
И в небе их последняя обитель...*

Светлана Голубева обладает несомненным даром видеть происходившее как происходящее, и умело передаёт это своё виденье читателю. Этот эффект достигается использованием лингвистической архаики – Гора ли ты, горушка

Соколиха! в настоящем времени – Стоит дружина, технический приём, который необходимо вуалировать, припрятывать усиленным зрительным раздражителем, образом, вызывающим объёмный ассоциативный визуальный ряд, для чего хорош вброс – копыя их, мечи – Все с вертикалью храмовой свечи.

Истинная, природная поэзия принципиально различима с ремесленной, пусть даже мастерски сделанной, мгновенным, точнее даже, единомоментным, синхронным переводом, переложением понимаемого в видимое. Только в таком единовременье понимаемого и видимого в процессе чтения: пафос, открыто сердечный, растворяющий автора в творении превращается в воодушевление читателя. Автор и читатель сопричастуют чувством восторга:

*О, море – степь небесно-голубая
В прозрачной дымке солнечного дня!
Мы шли к тебе, в сраженьях погибая,
Мы шли к тебе, сжигая и казня,
В крови, сквозь ярость, ненависть и стоны,
В болотах и снегах по стремена –
Нам ныне волн так странен шёпот томный
И так странна твоя голубизна.*

«Александр Невский» Светланы Голубевой – успех, с которым можно поздравить не только автора, но и всех нас, пишущих сегодня, творящих новое в развитии традиции русской великой культуры.

Менее удачной – не только неполётной образностью, но и слишком ученическим построением композиции, мне показалась «Великая княгиня Ольга». Попытка аккуратно полного стихотворного пересказа жития княгини без выделения эмоциональной оценкой апофеоных узлов, обернулась затяжной монотонностью, тяжестью. Эта ученическая попытка соответствовать канонической чистоте историко-эпического жанра явно неприродна автору, налицо победившая поэтессу боязнь переработать предание своей душой, прожить своим умным сердцем. Из этой робости перед поднятым материалом технический скелет выпирает наружу, и поэма из исторической сползает в дидактическую:

*Что есть для нас Вселенская любовь,
Кто первый услышал в себе молитву,
И кто в словах её запечатлел?
С ней на устах шёл человек на битву,
С ней горемык и странников жалел...*

*Её напевность, будто рек разливы,
Нам омывают души, бытиё.*

Однако, удачный прямой поэтический пере-
сказ жития или хроники чрезвычайно редок.
Пожалуй, кроме «Святого Серафима» Воло-
шина, ничего и не вспоминается.

А вот поэма «Игуменя» уже совершенно
поэма лирическая. Хотя, казалось бы, именно
эта тема более всего предполагает дидактику.
Но – ни вселенского героя, ни эпического раз-
маха в пространстве и времени. Мир человека
закрывает мир космоса. Поэму можно даже
отнести к балладному жанру, в каком были
написаны Лермонтовым «Мцыри», А. К. Тол-
стым «Иоанн Дамаскин», и «Гора» Цветаевой.

«Игуменя» Голубевой совершенное «внима-
ние к спасению души среди скорбей и искуше-
ний преходящего мира»:

*Она о многом не хотела помнить,
Чтоб ненароком боль не разбудить,
Но сердце не давало забывать
Покинутые радости земные
И день, когда для главного призванья
Она их оставляла навсегда.
Но разве мир ты выбросишь из сердца,*

*И кто способен вынуть из души
Отца и мать, восторженное детство,
Родился ли под солнцем человек
С такой душой, угоден ли был небу?..*

Да, здесь совершенно герой/героиня выше сюжета, здесь эпопейное описание мира внешнего решительно вытеснено художественным исследованием мира внутреннего. И в мировоззренческое основание для художественного проникновения в героиню положена не некая общая христианская антропология, а здесь антропология конкретно православная, здесь задействовано умное деланье, трезвенное сердечное сосредоточение, исследующее жизнь души в отношении её к духу в свете Благодати. Исследующее жизнь духа в его отношении к Богу:

*Осталось только сделать шаг единый,
И в тот же миг своей рабе Господь
Откроет правду безграничной жизни,
Хотя во всём Он дал уже понять,
Что правда та игуменье известна.*

Хорошим продолжением и завершением рукописи стали тематические стихотворения, так же являющиеся читателю энергоёмкий сплав лирики и патетики. Даже размер и построение

«Пскова», «Праведника» и «Родника Николая Чудотворца», опять же, позволяет отнести их к «малой поэме» балладе.

Аполлон Майков: «На нас писателях лежит великий долг – увековечить то, что мы чувствовали со всеми. Нам следует уяснить и осязательно нарисовать тот идеал России, который ощутителен всякому». И нужно признать, что Светлана Голубева свой писательский долг России и народу отдаёт в меру своих сил и таланта. Собранные в книгу три поэмы и избранные стихи – весомый вклад в современный литературный процесс, прибавляющий полноты этому процессу. Более того, нужно учесть, что эпика в творчестве женщины – событие чрезвычайно редкое, тем более сегодня, когда эпика в принципиальном противостоянии агрессии шизоидной клиповости времени. Предлагаю рассматривать появление такой книги как акт сопротивления глобальному раскультированию и расчеловечиванию, ведущемуся в рамках гибридной войны против нашей Родины. Такая книга новой лиро-эпики обязательно станет заметным событием всероссийского масштаба, и, как в своё время поэма Ирины Семёновой, укрепит авторитет орловской литературы.

Василий Дворцов

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ

Александр Невский.....	9
Великая княгиня Ольга.....	71
Игуменья.....	95

СТИХОТВОРЕНИЯ

Псков.....	105
Праведник.....	109
Родник Николая Чудотворца.....	113
Изборск.....	115
Псково-Печерский монастырь.....	117
Покинутая деревня.....	118
Кром.....	119

ЧТО ЕСТЬ ДЛЯ НАС ВСЕЛЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ.....	120
---	-----

Голубева Светлана Сергеевна

ОБРАЗ ДИВНЫЙ

Поэмы, стихотворения

Книга публикуется в авторской редакции

Рецензент В.В. Дворцов

Художник Д.В. Косенков

Технический редактор Т.А. Агапий

Бюджетное учреждение культуры Орловской области

«Орловский Дом литераторов»

302028, г. Орёл, ул. Салтыкова-Щедрина, 1

Подписано в печать 10.05.2023 г. Формат 70x100/32.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл.п.л. 5,36. Тираж 400 экз. Заказ № 590

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Типография «Труд». 302028, г. Орёл, ул. Ленина, 1.